

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВ

ОПАСНАЯ ПРИМАНКА

Николай Степанов

Опасная приманка

«АЛЬФА-КНИГА»

2012

Степанов Н. В.

Опасная приманка / Н. В. Степанов — «АЛЬФА-КНИГА», 2012

Найти клад, проснуться однажды от звонка неизвестного дедушки-миллионера, которому на исходе лет некому передать свои богатства, или наткнуться на реликвию древних, наделяющую обладателя здоровьем и удачливостью, – вот некоторые из мечтаний Семена Зайцева. Поэтому, когда парню предлагают поучаствовать в разгадке таинственного послания человечеству, он соглашается без колебаний. И только позже осознает, что быть избранным – не так уж и здорово. Допустим, с необычными видениями в зеркалах еще можно как-то смириться, сны с намеками на непрозрачные обстоятельства – мелочь, даже пристальное внимание со стороны спецслужб терпимо... Но когда начинается настоящая охота безжалостных незнакомцев, тут поневоле задумаешься: а не поспешил ли с согласием? Хотя чего думать? Содеянного ведь не воротишь... Или... Говорят, для избранных законы не писаны. Врут, наверное...

© Степанов Н. В., 2012

© АЛЬФА-КНИГА, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Николай Степанов

Опасная приманка

Глава 1

Синий камень

Мой отец часто говорил: «Не отказывай себе в удовольствии делать добро».

Первую часть его напутствия я освоил на «отлично», а вот со второй нередко возникали проблемы. Наверное, потому, что все мои дела назвать добрыми можно было лишь с большой натяжкой. Но над этим я вообще старался не ломать голову. Если даже крупнейшие философы не могли прийти к однозначному мнению, что есть добро, то куда уж нам, простым труженикам мышки и клавиатуры?

Вот и сейчас на выходе из квартиры Насти меня обуревали довольно противоречивые чувства. С одной стороны, если судить по ее довольной заспанной мордашке, свои деяния этой ночью злодейством я бы не назвал, а с другой – например, ее мужа... Вот и получается – единство и борьба противоположностей. Еще одна задачка для мыслителей? Что ж, пусть они и разбираются. А мне на работу пора. Жуть как не люблю опаздывать. Особенно когда это финансово наказуемо.

– Семен Зайцев?

У подъезда поджидал незнакомый мужик в черной ветровке. Чем-то он мне сразу не понравился, буквально до головной боли – в висках словно молотки заработали.

– Не знаю такого, – решил я не сознаваться на чужой территории. – Вы, наверное, ошиблись подъездом. В нашем такой не проживает.

– А вас как зовут?

«Ничего себе заявочка! Может, тебе еще и ПИН-код кредитной карточки сообщить?!»

Смерив «чернорубашечника» возмущенным взглядом, я резко ответил:

– Скажу не раньше, чем увижу удостоверение, дающее вам право ранним утром приставать к незнакомым людям.

Не похож этот тип на представителя закона. «При исполнении» они не разгуливают по городу в джинсах, бейсболке и кроссовках. Да и солнечные очки у него по сравнению с остальным прикидом слишком крутые. Видел я точно такие в одном магазинчике, так продавец сказал, что пятьсот долларов еще божеская цена за современный дизайн, зеркальное антибликовое покрытие, высокую контрастность, естественность цветопередачи и полную защиту от ультрафиолетовых лучей. Товар мне понравился, а отсутствие соответствующих финансов я попытался замаскировать под опасение приобрести подделку. Тогда мне по большому секрету указали на едва заметную отличительную деталь в дизайне оригинала. На очках незнакомца она присутствовала.

– Удостоверение покажу обязательно. Зайцеву, как только его найду, – ответил мужчина. Разглядеть его глаз за зеркалами стеклышек, к сожалению, не удалось.

– Удачи!

«Пронесло! – Я нацепил на нос очки стоимостью на порядок ниже и поспешил к автобусной остановке. Начало дня заставило задуматься. – К Насте больше ни ногой. Похоже на то, что ее благоверный нанял детектива. Зачем лишние неприятности? Хоть сие и против моих правил, но придется отказать ей в удовольствии».

– Парень, закурить есть? – раздался неприятный голос.

Любители подымить за чужой счет расположились грамотно, почти на самом выходе из подворотни. Утреннее солнце бьет мне в глаза, лиц молодцев практически не видно, только контуры. Их трое, и слабаками не выглядят. Если очкарик с ними (а почему бы и нет?), то обратно бежать не стоит. Лучше попробовать прорваться.

– Не курю.

– А мы недоверчивые. Сам карманы вывернешь или помочь?

– Да у меня с собой, кроме паспорта, и нет ничего.

Тут я немного соврал: триста рублей лежали в кармане рубашки, но в наше время такая сумма вряд ли кого-то заинтересует.

– Документ давай! Сейчас выясним, что за кобель к нашим девкам по ночам шастает.

«Не понял... И эти туда же?! Личность их моя заинтересовала? Ну уж дудки!»

Сделал вид, что вытаскиваю документ, а сам... В драке главное – скорость и точность. Когда схватка неравная, точность особенно важна в первый момент, потом... Чем быстрее машешь кулаками, тем больше шансов попасть в цель. Мне поначалу повезло. Первый мужик не ждал нападения, второй не успел защититься, но вот третий... Этот, несмотря на мою скорость, дважды прицельно попал по фейсу. Туман в голове, звон в ушах, треснутые очки на носу и снижение зоркости левого глаза напрочь отбили желание продолжать драку. Мозг как-то сразу начал тормозить, но ноги пока держали. Правда, не без помощи все того же шустрого третьего. Он схватил меня за шиворот и попытался залезть во внутренний карман.

«Наивный, думает, я ценные бумаги в пиджаке ношу».

Тут в арке появился прохожий. К моему счастью, им оказался плотный мужчина неробкого десятка.

– Эй, хулиганье! Кому мозги вправить?

Замутненное сознание подсказало – другого шанса не будет. Мой кулак быстро нашел подбородок противника.

«Ой, больно-то как! – Ощущение, что сдуру долбанул по гипсовому изваянию в парке. – Ничего, надеюсь, ему гораздо больнее».

Дальше ноги в руки – и ходу. У нас в отделе очень не любят опоздавших. Могут премии лишить.

– Спасибо за помощь! – крикнул я на прощанье незнакомому атлету и побежал к автобусу. Успел. Как в кино про шпионов – сразу за мной закрылись двери. Из подворотни так никто и не появился.

«Хоть я и не видел лиц, но на обычную шпану они мало похожи. Словарный запас не тот, я даже ни одного нецензурного слова не услышал. Опять же третий мужик явно собирался мой паспорт изучить. Зачем им документы? Перепись населения проводят? Так вроде последняя совсем недавно была».

Паспорт я действительно всегда носил с собой, но в заднем кармане брюк. Молния, его закрывавшая, была с капризами и редко допускала внутрь с первой попытки.

– Ты бы надел очки, Семен Евгеньевич, – вместо приветствия перед самой проходной выдал рекомендации мой приятель Роман.

– Забыл дома.

– А в зеркало на себя посмотреть?

– Не поверишь: каждый день гляжу, пытаюсь обнаружить что-либо новое. Ничего не получается. Хоть мордой об лед.

– А, так это – результат? Между прочим, лед бы тебе не помешал.

– Зачем? – Я заподозрил неладное и коснулся пальцами лица. – Ой! Что там у меня?

Мог бы и сам догадаться, соотнеся внутренние ощущения вкупе с заинтересованными взглядами пассажиров автобуса. Левый глаз до сих пор видел хуже правого.

- У тебя пол-лица синего оттенка. Подрался с кем-то?
- Нарвался на хулиганов. Из-за них чуть на работу не опоздал.
- Утром? И не спится же им! Милицию вызвал?
- Полицию, – поправил я. – Мне что, проблем мало?
- Ну ты даешь! Я бы с такой физиономией не рискнул на работу появиться. Так и хочется сказать: «Гюльчатай, закрой личико». Часов на семьдесят, не меньше.
- Поздно, уже пришли. Стеклышки не одолжишь?
- Мои тебя не спасут. – Роман снял свои хамелеоны.
- Да... я в них ни фига не вижу.
- Конечно, они с диоптриями. Минус три.
- Облом. Ладно, попробую соорудить себе паранджу и в ней весь день буду прятаться за компьютером.

Ромка – отличный парень. Не чета мне, безалаберному. Все у него тип-топ и на работе, и в жизни. Видел как-то его девушку – пальчики оближешь! Но не более того. Даже подходить к ней я бы никому не советовал. Во-первых, это бесполезно, она на своего парня такими глазами смотрит... А во-вторых, Роман Васильевич – кандидат в мастера спорта по дзюдо. Если кого припечатает к стене, мало не покажется. Надо сегодня напроситься вместе с ним идти домой, живем-то рядом. Его дом через дорогу от моего.

«Ого! Вот это личико, Семен Евгеньевич! Давно я себя таким писаным красавцем не видел. – С той стороны зеркала на меня смотрела кислая физиономия с заплывшим глазом и синяком на пол-лица. – Неужели всего два попадания смогли произвести столь разительные перемены? Лет десять так «обворожительно» не выглядел».

В детстве драться приходилось часто. В деревне, куда меня на лето привозил отец, отношения с местными как-то не складывались. А поскольку все философские диспуты поселковые ребята сразу сводили к обычному мордобою, свою точку зрения приходилось отстаивать кулаками. Иногда более-менее удачно, но чаще – с цветными отметинами «аргументов» противоборствующей стороны. Из-за доминирующего окраса лица меня даже дразнили Синька, а не Сенька. Сегодня похожий случай. Поэтому сразу за рабочее место и ни шагу отсюда.

Ну да, как там говорят: хочешь рассмешить богов – поделись с ними своими планами? И хотя я молчал, они, видимо, подслушали мои мысли. Затаиться не получилось. Начальник (чтоб ему... радоваться жизни по любому поводу и без того) решил лицезреть инженера Зайцева именно сегодня. Видать, слухи о моей неземной красоте все-таки дошли до его ушей. А кто б сомневался? Мир – он не без «добрых» людей.

– Семен Евгеньевич, что вы себе позволяете?! Приходить на работу в таком виде?! А ну, дыхните!

– Вы же прекрасно знаете, Анатолий Михайлович, что я не пью.

– С ваших слов, Зайцев, вы почти ангел. Но лицо, если его можно так назвать, говорит о другом.

– Человеку вы доверяете меньше, чем его фейсу?

– Ладно, рассказывай, что произошло?

Начальник был всего лет на пять старше меня. Когда он хотел показать свою значимость, обращался на «вы», если же переходил на «ты», значит, начинал исполнять роль «отца родного» для подчиненных.

– Да ничего страшного, Анатолий Михайлович. Просто имею дурную привычку не смотреть под ноги, когда спешу. Споткнулся, упал – результат на лице.

– Почему в больницу не обратился?

– А зачем нам в отделе производственная травма?

– При чем здесь...

– Травма, полученная по дороге на рабочее место, считается производственной. Нам при прохождении инструктажа по технике безопасности говорили. – На самом деле это не совсем соответствовало действительности, но я решил, что проверять мои слова он не будет.

– Какого инструктажа? При поступлении на работу? – сбавил напор начальник.

– Да.

– Молодец, помнишь. А я уже забывать начал.

Последствия несчастного случая на производстве доставили бы немало хлопот не только Анатолию Михайловичу, но и руководству выше. Поэтому мы наконец оставили мой моральный и физический облик и перешли к обсуждению других проблем, касающихся непосредственно работы...

К любимому компьютеру вернулся измочаленным и опустошенным. Зря вчера в его присутствии кокетничал с секретаршей. Я уже почти забыл, а он не смог. Теперь Зайцев оказался виноват во всех огрехах нашего отдела. Ну и денек!

Я положил перед собой чистый лист бумаги и начал вспоминать, на чье имя пишется заявление об уходе. Однако папка моей памяти с нужным файлом оказалась в самой дальней директории и никак не желала открываться. Видимо, сказывалось сегодняшнее ударное воздействие на «процессор», а тут еще телефон зазвонил.

– Да, слушаю! – ответил я так грозно, что на другом конце провода должны были сразу бросить трубку.

– Семен Зайцев? – Вопрос, голос и интонация были в прямом смысле знакомы до боли – аж глаз задергался.

– Ушел к начальнику, – продолжил я тем же «любезным» тоном.

– Извините, пожалуйста, я одноклассник Семена. Хотел бы сегодня с ним встретиться.

– А я тут при чем? – Думаю, Иван Грозный при последнем разговоре с сыном был любезнее.

– Мы с Зайцевым уже лет десять не виделись, я после девятого класса ушел из школы. Он все такой же? Худой...

Далее шло очень приблизительное описание моей внешности.

– Не знаю, каким он был раньше, но сейчас... – Уставившись на Романа, я постарался составить его словесный портрет – то-то ребята будут рады, столкнувшись с кмс по дзюдо. – А вообще он обычно позже с работы уходит. Что передать? Кто его будет ждать?

– Нет, ни в коем случае не говорите Семену о нашем разговоре, – подтвердили мои предположения на другом конце провода. – Хочу ему сюрприз сделать.

«И вам пусть будет сюрприз! – Я молча положил трубку. – И откуда у этой барышни ноги растут? – Имея в виду даму по имени Фортуна, задал я самый злободневный вопрос современности. – Явно не от ушей, как у супермодели. И куда они меня приведут, если богиня отвернулась, я знаю доподлинно – анатомию еще в школе проходил. Правда, оказаться там никак не хочется... Надо выкручиваться. Интересно, кем у Насти супруг работает? А то будет, как в том фильме: «Пожалуюсь мужу, и он превратит вас в жабу. – А кто у нас муж? – Волшебник. – Предупреждать надо». Если Настин муж окажется каким-нибудь авторитетом... Хотя о чем это я? Авторитеты в двухкомнатных хрущевках не обитают. И обстановка в доме не та. Может, попросил друзей за женой присмотреть, а те в раж вошли? Тогда зачем им мое имя? Бьют ведь не по паспорту, а по... Да, по ней, по родимой. – Я снова взглянул в зеркало. – И здорово бьют! Благо я в долгу не остался, а то было бы совсем обидно».

В задумчивости раскачиваясь на задних ножках стула, выдвинул нижний ящик стола, где в дальнем углу хранились две свинчатки. Они у меня остались еще с институтских времен. Драться приходилось и в студенческие годы, зачастую с превосходящими силами противника. Перед одним из таких поединков решил увеличить силу удара. Встреча тогда закончилась разговорами, но свои «весомые аргументы» я не выбросил, они у меня теперь нечто вроде обе-

рега. Мало ли... Гирьки перекачивали в карманы, опять же, на всякий случай. Если можно обойтись без драки, я только «за». Я вообще за мирное сосуществование на планете Земля и в ее окрестностях.

Телефон зазвонил снова.

– Это звонят из медпункта. Зайцев на работе?

«Вам-то я зачем?»

Голос нашей медсестры трудно не узнать, приблизительно таким же объявляют прибытие поездов на железнодорожных вокзалах.

– Где-то ходит.

– Передайте, пусть завтра принесет медицинскую карту и в десять утра зайдет ко мне.

– А что случилось?

– Нужно разобраться с его результатами анализов по ддг.

– Извините, не понял?

– А вы у меня кто? Добровольная диспансеризация граждан проводилась для всех сотрудников! Вас что, не было?! – спросили меня так, будто я только что Родине изменил.

– Нет, что вы, я как все! Прошел от терапевта до невропатолога. Зайцеву скажу лично и записку ему напишу, чтоб уж наверняка.

«Обложили меня, обложили...» – всплыли в памяти слова старой песни.

– Роман, у меня к тебе небольшая просьба. – Я подошел к Щеглову, когда тот наконец собрался уходить.

Ромка действительно часто задерживался, особенно заканчивая очередной проект. Сегодня его ждать пришлось полтора часа.

– Денег занять? Так сказал бы раньше.

– Нет. Ты бы не мог отозваться на мое имя? Там, за проходной.

– Зачем?

– Кое-что проверить хочу.

– Твоя проверка много времени не займет? – усмехнулся он.

– Минуту-две, не больше, – не задумываясь, ответил я.

– Ладно, Гюльчатай. Сегодня я добрый.

С полкилометра прошли вместе. Нас провожали двое. Для приятеля это семечки.

– Ладно, Зайцев, до завтра. – Я пожал руку Роману и свернул за угол. За минуту обогнул дом и выглянул на дорогу с другой стороны. Эх! Самое интересное все-таки пропустил. Четыре мужика (странно, откуда их столько набежало?) лежали на асфальте, пятый держал дистанцию, а потому оставался на ногах.

«Здорово я придумал!» Мысль радовала всего пару секунд, пока из джипа сзади Щеглова не вылез шестой и прозвучал хлопок. У знакомого мне по утренней встрече очкарика оказался пистолет с глушителем. Почему-то сразу вспомнились глаза девушки Романа. Сначала восхищенные, затем потухшие. От этой печали у меня вдруг пропало дыхание. Ведь это из-за меня...

– Убивают!!! – вырвавшийся крик наконец заставил работать легкие, я выскочил из-за угла и кинулся к Ромке. – Зарою гадов!

Очкарик не успел развернуться, и свинчатка на большой скорости угодила ему в спину. Он выронил оружие и стал медленно оседать на тротуар. В мужика, который стоял рядом с Щегловым, я не попал. Тот кинулся к стрелку. Если доберется до пистолета первым...

Бандит был гораздо ближе к очкарику, но я уже бежал. В общем, возле цели мы оказались одновременно. И опять я промазал, а он попал. Да так хорошо, что у меня выключили свет...

Зажгли очень резко да еще нашатырем в нос саданули.

«И где я?»

Светлый потолок. Надо мной склонились двое в белых халатах: молодой мужчина и пожилая женщина. Чего-то спросить хотят, наверное. Только я их не слышу.

– Как вы себя чувствуете?

Слух прорезался с некоторым опозданием.

– Роман?! – просипел я не своим голосом.

– Ваш друг не пострадал. Это было паралитическое оружие, – успокоил врач. – Через час будет как новый.

– Хорошо! – Я попытался подняться.

– Тихо, тихо, тихо. – Женщина придержала за плечи, не позволив осуществить задуманное. – Раненько тебе еще вставать, молодец. Отдыхай до завтра.

– Мне домой нужно.

– Никуда твой дом не убежит. Хочешь позвонить кому-нибудь? – Она положила мой сотовый рядом с подушкой.

– Пожалуй, нет.

– И правильно! Эти электронные игрушки и на здоровую голову плохо действуют, а уж после сотрясения мозга... – Телефон снова занял место на тумбочке. – Я пойду. Если вдруг дурнота накатит, жми кнопку слева от подушки.

В палате, кроме меня, никого не оказалось. Странно. Хотя май, наверное, не самый урожайный месяц для травматологического отделения. А куда Романа положили?

Темнота за окном означала, что с момента происшествия прошло не менее трех часов. Я заметил свою одежду на стуле.

«Может, встать по-тихому – и ходу отсюда? А вдруг действительно дурнота накатит? Опять же эти назойливые типы. Если меня в чужом доме выследили, что им мешает подкараулить возле квартиры? Утром было четверо, после работы еще двое присоединились. Сколько ожидать при следующей встрече? А ведь завтра наверняка сюда приедет полиция, начнут выпрашивать... Хорошо, что я живу один. Напрягать близких – последнее дело».

А не иметь их – еще хуже.

Квартира досталась мне от отца. Следуя своему жизненному девизу не отказывать себе в удовольствии делать добро, он возглавлял какой-то благотворительный фонд в Москве. Каждый день ездил туда в офис на электричке. И однажды не вернулся. В тот год я как раз заканчивал среднюю школу.

Ту весну я запомнил навсегда. Пытался искать его через сослуживцев, теребил бесконечными звонками милицию, даже президенту написал через Интернет... С тех пор очень не люблю сталкиваться с блюстителями порядка, разговаривая с которыми начинаешь понимать, что сам виноват во всех преступлениях. А потом позвонили мне:

– Будешь рыпаться, сосунок, окажешься в той же могиле, что и папаша.

Видимо, не все понимали благотворительность так, как мой отец. Года через два фонд развалился. Его руководителей посадили за крупные финансовые нарушения, но о судьбе Евгения Зайцева ничего не известно до сих пор.

Матери я не помню совсем. Бабка, в доме которой я каждый год оставался на лето, говорила, что прохиндейка бросила меня в трехлетнем возрасте. Отец отвечал уклончиво: «Извини, сынок, я не сумел ее удержать». Вот и все. Когда умерла бабка, я понял, что родственников у меня больше нет. Разве что где-нибудь за океаном затаился троюродный дедушка с миллионным состоянием, который считает дни в ожидании нашей встречи. Будем надеяться, что он уже дал задание своим адвокатам и меня скоро отыщут.

«О! Вот и разгадка сегодняшней истории! Очкарик хотел мне завещание прочитать, а я – драться». – Глупая мысль немного развеселила, и я уснул.

Утро началось с очередной неприятности. Меня навестил участковый, сообщивший, что ночью в квартире побывали «гости». Замок взломан, вещи перерыты. Явно пытались что-то

найти. Компьютер, правда, не тронули, да и другая техника также осталась на месте. Требовалось выяснить, что все-таки пропало, для чего он любезно предложил отвезти меня домой.

– Хорошо, дайте десять минут, только оденусь, забегу к другу, и я весь ваш.

– Жду внизу. – Он вышел.

– Зайцев, зайдите к заведующему отделением. – В дверях появилась симпатичная медсестра.

– Может, лучше к вам на рюмку чая? – начал по привычке флиртовать.

– Больной, вы свое лицо давно видели?! – Отпор прозвучал довольно резко.

– Лицо в нашем деле не главное, сударыня.

– Сударь, а не пошли бы вы... в кабинет тридцать один?!

И я пошел. Спорить с женщиной, которая видит в тебе пугало огородное, – неблагодарное занятие, по крайней мере, не в моем нынешнем состоянии.

Новое утро мало отличалось от предшествующего: снова проснулся в чужой постели, опять приставал мужик с расспросами. По лицу, правда, еще не настучали, но... Да тут и стучать уже особо не по чему. Синька, она синька и есть. Я случайно взглянул на висевшее в коридоре зеркало. Девушка права: с таким лицом детей пугать, а не комплименты расточать. Третье синее пятно расплзлось по скуле слева. «О морда, морда, какой маляр тебя красил?..»

Вот и кабинет заведующего.

– Присаживайтесь, Семен Евгеньевич.

– Извините, меня там сержант ждет.

– Уже не ждет, – казенным голосом сообщил незнакомый мужчина в штатском.

Заведующим оказался тот самый доктор, что расспрашивал вчера о самочувствии. Вторым посетителем кабинета был коренастый мужик с заостренным подбородком и слегка оттопыренными ушами. Меня снова пригласили сесть.

– Почему? Мы же с ним договорились.

«Интересно... Теперь врачи отдают распоряжения бюстителям порядка? Видать, многое изменилось в нашем городе за одну ночь».

– Мы объяснили ему, что вопросы вашего здоровья важнее его вопросов.

– А что со мной такое? Проблемы?

Я искренне удивился. За всю жизнь не помню, чтобы обращался к врачам по собственной инициативе. Только медкомиссии и профосмотры, во время которых медицинские работники не раз выказывали восхищение моим здоровьем. И вдруг...

– Мы обработали ваши данные, полученные по ддг, – улыбнулся лопухий. – Требуется срочная госпитализация.

«Ни фига себе! Вот это удар! Хотя и не по физиономии, но все равно неприятно!»

– Все так плохо?

– Вы не волнуйтесь раньше времени. Просто некоторые параметры требуют уточнения. Наши подозрения могут и не подтвердиться.

– Но я ведь и так два раза по врачам ходил. – Остатки настроения с шипением растворились, как сода в уксусе.

В конце прошлого года все сотрудники предприятия чуть ли не в приказном порядке были направлены в поликлинику. Столько анализов я за всю жизнь не сдавал. О некоторых медицинских специальностях до того дня даже слухом не слыхивал. Поговаривали, что в наш маленький городок откуда-то доставили новейшее оборудование для исследования крови. Неужели этого недостаточно?!

– Здесь нет необходимой аппаратуры, мы приехали из Москвы, – заявил незнакомец.

– Мне в Москву? И когда?

– Чем быстрее, тем лучше. Сами понимаете, промедление не в ваших интересах. Кое-какие обследования начнем прямо в машине. Сколько минут нужно на сборы?

Напугать меня довольно сложно, но тема здоровья не из тех, что оставляет равнодушным. Тем более когда за тобой присылают машину из столицы. Тут волей-неволей задумаешься о бренности своего существования. Если тебе, конечно, дадут на это время. Мне не дали.

– В принципе готов хоть сейчас. Только мне бы хотелось сначала с Романом увидеться. Он в больнице?

– Ваш друг уехал вместе с участковым, – сообщил доктор. – Думаю, сейчас он будет давать показания по поводу вчерашнего инцидента.

Напоминание о полиции, общаться с которой у меня не было ни малейшего желания, стало главным аргументом.

– Тогда поехали.

– Отлично! – поднялся москвич. – Следуйте за мной.

Через пять минут я уже находился в машине скорой помощи. Надо сказать, в очень оснащенной машине. Внутри все выглядело, как говорит Настя, на миллион долларов. Мягкая обивка, удобные кресла, а уж аппаратура... Рубка космического корабля в миниатюре!

«С чего вдруг такая оперативность?! Обычно врачам глубоко начхать на наше здоровье. А тут персонально для тебя машину выслали, приборами обвешали, в кресло усадили да еще журналчик подсунули, чтобы дорога скучной не казалась. Чем же это меня зацепило? По пустякам на подобных авто не возят».

Глубоко убежден, что сам по себе человек – существо довольно живучее, оно и к марсианским условиям приспособится, если ему другие люди мешать не будут. Но как же в наше время без внимания окружающих? Одни тебе подскажут, чем лучше питаться, другие – чем лечиться от болезней, названия которых ты даже не слышал, третьи – как правильно отдыхать... Чуть расслабишься, пойдешь на поводу у доброхотов, глядишь – тут тебе и язва от правильной пищи, и аллергия от полезных лекарств, и переломы от излишне активного отдыха.

К счастью, я не особо подвержен чужому влиянию. Тем не менее...

Журналчик, кстати, оказался довольно занимательным. Заинтересовавшая меня информация датировалась серединой прошлого года. В ней говорилось об одинаковых необычных находках, обнаруженных в разных уголках Земли. Греция, Франция, Египет, Канада, Бразилия, Австралия – во всех этих странах почти одновременно появились странные шестиугольные плиты из синего камня. Их досконально исследовали ученые, пытаясь определить химический состав, но все известные методы спектро-, рентгено- и прочих – копий не дали ни единого вразумительного объяснения. Разве что австралийские специалисты в ультрафиолетовом излучении с трудом различили странные надписи на поверхности своего камня...

За чтением я не успел заметить, как мы оказались на месте. Странно, на электричке до Москвы почти два часа ходу, а тут... Часы внутри салона показывали 10.45, из города мы выехали в 10.15. Неужели мчались с такой скоростью?

С меня тут же сняли датчики, помогли выйти из машины и предложили пройти в кабинет профессора. Уважают! Сразу к какому-то светилу науки отправили. Главное, чтобы не в качестве подопытной крысы.

– Здравствуйте, присаживайтесь, меня зовут Алексей Степанович. Поскольку времени у нас мало, постараюсь изложить суть дела сразу.

Я даже не успел ответить на приветствие, а доктор уже сел рядом и включил висевший на стене большой плоский телевизор.

Мужчина выглядел лет на пятьдесят. Аккуратная стрижка, высокий лоб, внимательный взгляд. Точно, ученый.

– Что у вас с лицом? – спросил он скорее для проформы.

– Ерунда. Поскользнулся, упал, очнулся, глянул в зеркало, а там то, что вы видите.

– Ну ничего, поправим, – успокоил меня профессор, после чего перешел к теме разговора. – Мне передали, что по дороге сюда вы внимательно читали предложенные вам матери-

алы. Так вот, такой же синий камень был найден и в Германии, и в США, и в Китае, и в России. У нас он попал в руки военных, поэтому и утечки информации не произошло. Остальные страны тоже закрыли тему, как только ознакомились с надписями на плитах. Хотите узнать, о чем в них говорилось?

На экране замелькали кадры с изображением горной местности. Находка обнаружилась на возвышенном плато, где ее не заметить было очень сложно.

– Хочу, – просто ответил я, хотя тема, затронутая профессором, меня несколько смутила. Вроде бы тут срочно человека спасать надо, а он о камнях заговорил?

– Плита является посылкой человечеству, – оgoroшил собеседник.

– От кого? – Вопросы моего здоровья как-то сразу отошли на второй план.

– Это нам неизвестно.

– И что в ней?

– Чтобы узнать, ее сначала нужно открыть.

– И вы целый год?.. – не удержался я от возмущения.

– Все не так просто, Семен. Сначала требовалось расшифровать надписи, затем подыскать людей, которые смогли бы открыть посылку. И главное, – профессор выдержал паузу, – решить, стоит ли ее открывать вообще? Надеюсь, вы слышали легенду о ящике Пандоры?

– Ага.

– Вот и мы опасались, до недавнего времени.

– А сейчас?

– Полной уверенности, конечно, нет, но... – После небольшой паузы Алексей Степанович выключил телевизор и продолжил: – В Египте попробовали взломать посылку лазерным лучом, и она взорвалась. Погибли несколько человек, но крупной катастрофы не произошло. В Греции и Бразилии принято решение отказаться от вскрытия. А в Штатах, похоже, ее все-таки открыли.

– Откуда вы знаете?

– Разведка, – перейдя на шепот, ответил профессор.

– И что внутри?

– На сегодняшний день имеются данные только о факте вскрытия синего камня. Другими сведениями мы пока не располагаем.

– Я так понимаю, это секретная информация? – До меня вдруг дошла вся абсурдность сложившейся ситуации. Рядовому инженеру, вырванному из обычной жизни под предлогом резкого ухудшения здоровья, вдруг ни с того ни с сего рассказывают государственные тайны. Зачем?

– Да.

– А я тут при чем?

– Чтобы открыть посылку, необходимо участие шести человек. Но для этой миссии требуются особые люди. В надписях на камне были четко обозначены физиологические параметры каждого. Найти подходящих оказалось крайне сложным делом. Вначале мы обследовали своих специалистов, и тогда выяснилось, что указанным данным сможет соответствовать один из миллиона человек. Поэтому по всей России были проведены тщательные медицинские исследования. Вы – один из шести.

– Ух ты! – Хорошо, что я сидел. – И что от меня требуется?

Всегда мечтал стать избранным. Причем нежданно-негаданно, прямо как сейчас. Правда, в своих желаниях я становился либо наследником неизвестного дедушки миллиардера, либо случайным первооткрывателем некоей тайны, приносящей известность, богатство и прочие блага.

– Согласие участвовать в опасном эксперименте, – несколько приземлил мои мечты профессор.

– Опасном?

– Да, поскольку полной гарантии, что все пройдет без каких-либо последствий для здоровья, вам никто дать не сможет. В принципе найти человека, соответствующего заданным параметрам на все сто процентов, невозможно. Некоторые характеристики нам вообще пока неизвестны, но из тех, которые наша медицина умеет фиксировать, у вас лучший показатель – девяносто два процента.

– То есть в девяти случаях из десяти я должен остаться в живых?

– Где-то так. У нас, к примеру, есть восемнадцатилетняя девушка, у которой всего семьдесят девять процентов соответствия. Кстати, она согласилась без колебаний.

– Можно подумать над вашим предложением? – Честно говоря, я был готов сказать «да» прямо сейчас, особенно после упоминания о бесстрашной девице, но после обретения статуса избранного мне захотелось выглядеть не безответственным шалопаем, а солидным и вдумчивым молодым человеком.

– Пятнадцать минут у вас есть, но не более, – ответил профессор. – Дело в том, что через час шкатулка самоуничтожится. Кое-кто из «умников» в военной форме проявил ненужное рвение. Поэтому мы и вынуждены были так спешно отправиться за вами.

«А что я, собственно говоря, теряю? Дома ждут следователи с расспросами, возле подъезда – мужик в дорогих очках и с пистолетом, на работе – начальник со своими придирками... И пустая квартира, где после визита домушников придется наводить порядок. А тут...»

– Я согласен, – вырвалось у меня.

– Точно?

– А чего тут думать? Может, в этой посылке такое...

– Я почему переспрашиваю: человека, который имеет почти такие данные, как у вас, пытались насильно заставить участвовать в эксперименте. Вначале он сказал, что не возражает, а на самом деле оказалось, что его принудили. В результате камень его не принял и урезал нам время на раздумья.

– А откуда он, камень, узнал?..

– Молодой человек, мы об этой посылке знаем лишь то, что она сама сочла нужным нам сообщить. Другой информации нет. Поэтому еще раз спрашиваю: «Вы согласны пойти на риск?»

– Да. – Теперь я заупрямился, со мной иногда случается. – Хотите, любую бумагу подпишу? Кровью.

– Это лишнее. Вы же не дьяволу душу продаете. – Он встал. – Пройдемте.

Мы вышли из кабинета, добрались до лифта и опустились на несколько этажей вниз, хотя я не помнил, чтобы после приезда были подьемы.

– Вам сюда, – сказал Алексей Степанович, остановившись перед стеклянной дверью. – Идите прямо по зеленой дорожке.

Он остался снаружи, а мне пришлось пройти еще через пару таких же раздвижных прозрачных перегородок, прежде чем оказаться перед круглым столом, за которым уже сидели пятеро.

Большая плита занимала практически весь стол и буквально приковывала к себе внимание своим неестественным синим цветом. Он был одновременно и ярким, и несколько размытым, словно посылку со всех сторон окружал тонкий слой молочного тумана.

Я сел на свободное место, и камень сразу засветился ярче. Мне даже показалось, будто от него повеяло теплом. Самое интересное: в поле зрения осталась лишь эта плита, я не видел больше ничего. Ни комнаты, в которой находился, ни людей, сидевших рядом. Только голубую грань, обращенную ко мне.

«Положи ладони на камень», – появилась надпись на поверхности.

«Закрой глаза».

Второе сообщение возникло, стоило пальцам коснуться шершавой тверди.

Точно помню, что выполнил указание, но видения не исчезли. Грань приобрела зеленоватые оттенки, буквы потеряли четкость, но затруднений при прочтении это не вызывало.

«Вспомни о самом счастливом эпизоде в твоей жизни».

Легко сказать! Я стал перебирать события и остановился на первом в своей жизни свидании. На том моменте, когда через двадцать минут бесконечного ожидания, показавшихся мне тогда вечностью, она все-таки пришла. И неважно, что через два месяца мы расстались, именно в тот миг я был на вершине блаженства.

– Ой! – Ощущение невероятной легкости во всем теле неожиданно заставило вскрикнуть.

Перед глазами возникла глубокая синь ночного неба и звезды. Они стремительно приближались и пролетали мимо, обтекая меня, словно горная река. Невольно начал закрадываться страх, рожденный невыносимым ощущением полета в невесомости. Казалось, эта комната, город, страна, да, чего уж мелочиться, – вся Солнечная система осталась далеко позади вместе со своими мелкими проблемами. А впереди – целая Вселенная...

«Дар получен!» – вспыхнула в космической мгле надпись, составленная, как мне показалось, из тех же звезд. Неужели русский теперь стал языком межгалактического общения? Или каждый видит лишь то, что может прочесть?

Я невольно протянул руку вперед, пытаясь дотянуться до букв. Звезды тут же погасли, а меня со всех сторон окружили... цветы. Сотни, тысячи бутонов с хрустальными лепестками. Они плавно проплывали по небу, снисходительно разрешая себя рассматривать. Каких только форм и цветовых оттенков здесь не было! И ни один не повторялся. Я залюбовался их красотой, отметив, что в каждом ровно семь лепестков, расположенных вокруг бесцветного, прозрачного диска.

Глава 2

Лепестки в зеркале

– Семен, очнитесь!

Меня попросили, и я очнулся, хотя возникавшие перед глазами в мире грез многоцветные картинки были настолько хороши, что покидать видения абсолютно не хотелось. Зрение в норму пришло не сразу, выдав сначала расплывчатые очертания окружающей обстановки. Когда же резкость восстановилась... Бежевый потолок, стены цвета топленого молока, люди в белых халатах и марлевых повязках, какие-то мигающие приборы с бесчисленными проводами и трубочками.

– Семен, вы нас слышите?

Кажется, это Алексей Степанович пытается пробиться к моему сознанию.

– Да, – ответил я, не узнав ставшего сухим и хриплым собственного голоса.

– Как он? – спросил профессор невысокого мужчину, который, видимо, отвечал за мое состояние.

Врач посмотрел на экран одного из мониторов, пробежал глазами показания еще двух приборов и, пожав плечами, сказал:

– Как космонавт.

– Замечательно. Тогда попрошу нас оставить.

«Значит, здоровье в норме. Отлично! А то этот лопухий со своим «промедление не в ваших интересах» совсем запугал. За такие шутки у нас в деревне... Кстати, а что у меня с лицом? Тут зеркала нигде не наблюдается?»

Пока люди в халатах покидали комнату, я сел в кровати.

«Ого! А это что за бесплатный бонус к аттракциону?! – На запястье красовался серебристый браслет, цепочкой соединявший меня с кроватью. Второй обнаружился на правой ноге. – Неужели я во сне буйствовал?»

Похоже, вопрос явственно отпечатался на моем лице. Алексей Степанович устроился напротив, снял повязку и пояснил:

– Это вынужденная мера. Четверо из тех, кто открывал посылку, сбежали.

– Почему?

– Наверное, испугались чего-то.

– А что же было внутри? – Честно говоря, именно это меня сейчас интересовало больше всего. Хотя удар цепи по самолюбию и требовал выяснения отношений с персоналом, но с этим пока можно было подождать.

– Думал выяснить это у вас.

– У меня??? – Рука машинально потянулась к прическе, но привязь не позволила почесать голову.

– Ровно через минуту после того, как вы положили ладони на камень, помещение наполнилось туманом. Дымка оказалась абсолютно непроницаемой, и ни один прибор не смог зафиксировать, что же с вами там происходило. Мы срочно вызвали группу спасателей, но до того как они проникли в комнату, туман рассеялся.

Профессор встал, подошел к тумбочке, на которой стоял графин с водой, наполнил стакан и сделал глоток.

– Пить не хотите? – Он посмотрел на свои наручные часы.

Только после его вопроса я вдруг почувствовал, насколько меня мучает жажда. В общем-то и голос был не моим только потому, что во рту пересохло.

– Очень.

Опустошив первый, я попросил добавки. Вода имела сладковатый привкус – наверное, с витаминами.

– Когда видимость восстановилась, мы обнаружили, что за столом оставались вы и брюнетка, которая сидела рядом. Остальных разбросало по всей комнате.

«Там была девушка, а я не заметил? Неужели старею? Вроде рано, двадцать четыре года не возраст, чтобы допускать подобные оплошности».

– Произошел взрыв?

– Вряд ли, приборы бы его зафиксировали. Но что самое странное – плита исчезла. Будто ее и не было никогда.

– Исчезла???

Я попытался переварить полученные сведения. Куда подевался огромный синий монолит? Превратился в туман? Испарился? А потом? Что-то же должно было остаться?! Скорее всего, с помощью самого современного оборудования это «что-то» отыскать уже пытались.

– От синего камня не осталось ни следа. Мы так и не смогли определить структуру вещества, из которого он состоял. После исчезновения исследовали каждый миллиметр поверхности комнаты. Никаких изменений. Поэтому вы должны понимать, насколько для нас важна любая информация.

– А второй человек, который остался, что он говорит?

– Брюнетка, которая была за столом рядом с вами, – это та самая дамочка с наименьшим процентом соответствия. У Маргариты потеря памяти, но девушка упорно твердит ваше имя, хотя ей о вас никто не говорил. Или вы успели тогда познакомиться?

– Честно говоря, я даже не заметил, кто сидел за столом, видел только плиту. Она была шершавая на ощупь.

Профессор снова взглянул на часы.

– Туман продержался в комнате чуть больше пяти минут. Потом вас вынесли. Скрупулезно обследовали помещение и всех в нем находившихся. Пять человек оказались в коме, но Маргарита пришла в себя сразу. Девушка не помнит последний год своей жизни, зато точно назвала дату, когда вы очнетесь. И не ошиблась.

– И долго я валялся без сознания?

– Пять дней.

– Сколько?! – В голове названный срок не укладывался: мне казалось, что прошло не больше часа.

– Почти неделю, – уточнил он.

– А остальные?

– Через два дня очнулись все разом, а на четвертый покинули бункер, хотя самостоятельно уйти отсюда практически невозможно. – Чувствовалось, что Алексей Степанович нервничал.

– Мы находимся под землей? – О лифте и о том, как мы спускались, я помнил отчетливо.

На лице профессора на миг проскочило недовольство. Похоже, в его планы не входило сообщать мне, где мы находимся. Однако, взглянув на часы, он махнул рукой и сказал:

– Тридцать метров под поверхностью. Сами понимаете, никто не хотел рисковать при проведении эксперимента. А случиться могло что угодно.

– Выходит, мы не в Москве?

В салоне машины окон не было, «скорая» въехала внутрь здания, а потому я совершенно не видел, куда меня привезли. Алексей Степанович не торопился с ответом, глядя мне прямо в глаза. Не люблю подобные взгляды, но старался этого не показывать. Даже когда почувствовал легкое головокружение. Собеседник уловил перемены в моем состоянии и участливо спросил:

– С вами все в порядке?

– Да, профессор. Но вы не ответили на мой вопрос.

– Мы находимся в двухстах километрах от столицы. Но это детали. Вспомните все, что произошло после того, как вы положили руки на синий камень.

Дальше наш разговор проходил, словно в тумане. Он задавал вопросы, я отвечал. Причем каждый мой ответ приносил такое наслаждение, что мне не хотелось останавливаться. Не знаю, как на человека воздействуют наркотики, но после каждой своей фразы я ощущал новый прилив блаженства...

Тем ужаснее стала боль после его слов:

– Какой дар был вами получен?

– Не знаю. – Я действительно не мог ответить на вопрос и едва не взвыл от досады.

– Постарайтесь вспомнить! – усилил он давление. – Это очень важно для меня.

– Как можно вспомнить то, что не знаешь? – Мне вдруг захотелось плакать от обиды.

– Ты знаешь, напряги свою память!!! – Профессор разом перестал быть приятным собеседником.

Внутри меня начал разгораться огонь ярости. Захотелось кинуться на того, кто являлся источником все возрастающей боли, но не успел. В глазах потемнело и...

Снова любовался разноцветными лепестками, восхищаясь их красотой, радовался, как ребенок, когда мне удавалось одним взглядом остановить самые прекрасные из хрустальных цветов. Хотелось дотронуться, ощутить каждую прожилку на этом произведении искусства. Словно подчиняясь моему желанию, один из цветков начал приближаться. С расстояния вытянутой руки он казался еще краше, но во мне вдруг начала расти тревога. Пытаясь определить причину, я напряг зрение и увидел, что один из лепестков имел пару трещин, отчего был мутнее остальных. Именно он мне и жаловался. Или это показалось? Легкое прикосновение ладони – и трещины начали зарастать, хрупкая структура возвращала присущие ей краски, восстанавливалась гармония красоты.

«Неужели это моих рук дело?!»

Меня наполнила несказанная радость, которая заставила проснуться.

«Так, потолок белый, стены оливковые. Меня опять куда-то перетащили. Зачем? Чего они добиваются? Что от меня хотел Алексей Степанович? Почему он вдруг из «доброго волшебника» превратился в монстра, на которого я едва не набросился? Или дело не в нем?»

На этот раз комната была с окнами. За стеклом виднелось голубое небо, через приоткрытую створку доносился шум машин, звон трамваев. Похоже, меня все-таки перевезли в столицу. Тяжелое сопение мегаполиса трудно спутать с размеренным дыханием малых городов или тихими вздохами глубинки. «Браслеты» с меня сняли.

«Сколько же дней прошло? Меня на работе небось с собаками ищут! Надо хоть сообщить».

Рядом с деревянной кроватью стоял туалетный столик с зеркалом. На самом его краю телефон. Правда, ни циферблата, ни кнопочек на аппарате не оказалось. Рядом лежали новенькие солнцезащитные очки.

«Как они узнали?»

Кто-то обожает галстуки, кто-то сходит с ума от запонок с камушками, а мне нравятся очки с темными стеклышками. У меня дома их штук двадцать. И каждые имеют свое назначение. Одни я ношу в ясную погоду, другие надеваю в пасмурную, третьи – для зимы с ее ослепительным снегом, четвертые... Есть даже очки для первого свидания и для прощальной встречи.

Эти подошли бы для официальных контактов. Небольшие стекла, средняя затененность и зеркальное покрытие. Повертев неожиданный подарок в руках, я поднял трубку.

– Дежурный по отелю слушает.

– Вы бы не могли соединить меня...

– Минуточку, Семен Евгеньевич, – в трубке раздался другой голос, – к вам сейчас зайдут. Я поискал глазами одежду. Вскочил и начал натягивать на себя спортивный костюм, сложенный рядом на стуле. Успел.

– Здравствуйте, меня зовут Ангелина Львовна, – представилась вошедшая. – Я ваш куратор. Решение внутренних проблем и все связи с внешним миром только через меня.

Светловолосая женщина в форме горничной держалась, скорее, по-военному. На вид ей было лет двадцать пять – тридцать. Высокая, стройная. Ангелина Львовна принесла мне полотенце.

«Какое шикарное обслуживание! Надо этим воспользоваться. Особенно после неловкого случая с цепью. Я им не собачка».

– У меня очень много внутренних проблем.

– Каких?

– Отсутствие женского общества вызывает во мне неконтролируемую агрессию.

– Это не проблема. Существует множество действенных препаратов. Пара уколов – и вы на красивые ножки даже смотреть не захотите.

– На такие очаровательные, как у вас, я готов смотреть...

– Семен Евгеньевич, – повысила она голос, – настоятельно советую оставить в покое анатомические особенности мои или кого бы то ни было из служащих этого отеля.

– Хорошо, понял: внутренние проблемы останутся нерешенными. Перейдем к связям с внешним миром. Мне нужно успокоить своих друзей и позвонить на работу.

– Необходимые меры уже приняты. Для всех вы находитесь на лечении в Италии. Звонки оттуда дорогие, поэтому переписка идет по эсэмэс. Мы изучили ваш стиль общения, а также круг знакомых. Никто не забил тревоги. Некая Настя три дня назад предлагала встречу на вашей территории. Пришлось отказать. Некий Саша Кравцов написал, что его о вас расспрашивал неприятный тип в черных очках, мы поблагодарили его за информацию. От вашего имени, естественно.

– Могу я получить свой телефон? – Последнее сообщение меня заинтересовало особенно.

– Нет.

– У меня что, вообще нет никаких прав? Нельзя человека насильно держать под замком, да еще без средств связи! Даже уголовник может сделать один звонок!

– Права, безусловно, есть. Однако нам пока неизвестно, что с вами произошло после контакта с синим камнем. Гипотетически вы можете представлять опасность для человечества, а поэтому до конца исследований мы просто вынуждены ограничить вашу свободу. Хотя бы в рамках этого отеля. – Ее голос был полностью лишен малейшей эмоциональной окраски: складывалось впечатление, что я разговариваю с роботом.

– Хочу напомнить, что на контакт с камнем я пошел исключительно по просьбе ваших людей.

– Вы могли отказаться. Согласившись, автоматически приняли на себя ряд обязательств. Теперь их следует исполнять.

«Да чтоб тебе... радоваться жизни по любому поводу и без него!» – мысленно обладал я «горничную».

– Выходит, и с внешними связями тоже полный облом. Мой дом – тюрьма, – тяжело вздохнул я. – Ни женской ласки, ни дружеского участия. И каков срок заключения?

– Молодой человек, не стоит паясничать. У вас только-только синяки с лица сошли, а вы опять ищите острых ощущений?

– Хорошо, сформулирую иначе: сколько времени могут занять исследования? – Я постарался перейти на официальный тон.

– Еще пару недель, если вы будете оказывать нам максимальное содействие.

– Что от меня требуется?

Получается, попасть в число избранных не так уж и почетно. Тебя держат практически под стражей, устанавливают правила поведения. Хорошо, хоть кандалы сняли.

– Сейчас сюда придет Маргарита – девушка, потерявшая память. Поговорите с ней. Она давно хочет с вами встретиться. Постарайтесь занять ее разговором. Может, она вспомнит что-то важное?

– Знаете, с девушками я иногда бываю слишком робким.

– Мы в курсе, – впервые усмехнулась Ангелина. – Но вы оч-чень постарайтесь.

– Подключу все внутренние резервы.

«Да, Семен Евгеньевич, не умеете вы нормально разговаривать с женщиной. Дама на службе, а вы со своими подначками».

Мой институтский друг Димка не раз советовал научиться разделять женщин хотя бы на три категории: сексуальный партнер, деловой партнер и просто друг. Я пробовал, но, как и во всем, получалось лишь... В общем, нормально выстраивались отношения у меня лишь с первой категорией, а остальных вроде и не существовало.

Горничная направилась к двери.

– Ангелина Львовна, если вы все знаете про моих друзей, то скажите, что с Романом?

– Он в порядке. К сожалению, найти тех хулиганов, которые на него напали, не удалось. Да, еще. В тумбочке лежит предмет из вашей квартиры. Участковый считает, что ночных воров заинтересовал именно он. Будет желание, взгляните. Еще вопросы есть?

– Вопросов нет, – по-военному четко ответил я, едва сдержав себя, чтобы не приложить руку к отсутствовавшему козырьку и не щелкнуть каблуками ненадетых сапог.

Она вышла, а я полез в тумбочку.

На полке лежал завернутый в газету альбом. В нем находились фотографии выпускного класса школы и первых институтских лет. Позже я перешел на электронные снимки, которые хранил на компьютере. Быстро перелистав страницы, на последней обнаружил пропажу. Исчезли две мои фотки, остались только подписи: «Я с кактусом, июль 2006» и «Я под пальмой, июль 2006». Обе были сделаны в Тунисе. В тот год на вырученные от продажи бабкиного дома деньги я впервые побывал на заграничном пляже.

«Кого же так сильно заинтересовала моя физиономия?»

От раздумий отвлек стук в дверь.

– Войдите.

– Здравствуйте, Семен!

– Здравствуйте, – промолвил я, уставившись на новую посетительницу.

Стоявшая в дверях девушка являлась полной противоположностью Ангелины Львовны. Глаза вошедшей сверкали озорным блеском юности, ее искренняя улыбка завораживала своей открытостью, а голос звучал подобно серебряным бубенцам. Появление гостьи в мгновение ока прогнало тоску и уныние, привнес в комнату нечто сказочное. Словно фея, девушка развеяла темные чары вокруг запертого в четырех стенах узника.

– Маргарита? Несказанно рад вас видеть!

– Рита. – Она протянула руку для пожатия. – Я давно хотела с вами познакомиться. Помоему, вы в состоянии вернуть мне память.

– Я??? – оторопел я.

«Глядя на тебя, и сам все забудешь. Какая кошечка!»

– Мне так почему-то кажется, – промурлыкала она.

«А тебе сейчас покажется, что слышишь в своей голове чужой голос. Но не бойся. Это я, Рита. Главное – не паникуй и помни, что за нами наблюдают».

Меня спасла стоявшая сзади кровать, да и поддержка со стороны красавицы оказалась нелишней. Я сел.

– Семен, с вами все в порядке?

«Если не хочешь, чтобы сюда вошли, быстро придумай объяснение, почему ты вдруг решил присесть в присутствии дамы».

– Прошу прощения, Маргарита. Ваша красота настолько вскружила мне голову, что я не удержался на ногах. – Даже особо врать не пришлось.

«Хорошее оправдание. Но больше так не делай».

На ее щеках выступил легкий румянец.

– Я слышала, что на некоторых особо чувствительных мужчин красота иногда оказывает даже убийственный эффект. Надеюсь, вы не из их числа? – Она придвинула стул и села напротив.

«Зайцев, видел бы ты сейчас себя со стороны! Ничего, что я сразу на «ты»? Пока у тебя ошарашенное выражение лица, постарайся привыкнуть к голосу, который никто, кроме тебя, не слышит. Мой дар от синего камня – мыслеречь. Поэтому для надзирателей будем болтать как обычно, а для себя – беззвучно. Если понял, скажи вслух: «И чем я могу тебе помочь, Рита?»

– Нормальному мужчине женская красота жизнь только продлевает. Надеюсь, у нас еще будет возможность обсудить этот вопрос. А сейчас... Чем же я могу помочь тебе, Рита? Не возражаешь, если мы перейдем на «ты»?

Я постепенно приходил в себя и начинал сравнивать девушку с другими своими знакомыми. Она была вне конкуренции. Роскошные волосы, тонкие брови, выразительные карие глаза, небольшой, чуть вздернутый носик, алые сочные губки... А какие формы! Даже подружка Ромки – и та проигрывала моей гостье по нескольким параметрам. И это при том, что девушка одета в обычный спортивный костюм. Наверное, такие выдают всем заключенным этого отеля.

– Конечно нет. Мне приснилось, что ты позаимствовал мою память и должен ее вернуть, – прощепетала она.

В голове же у меня прозвучали совсем другие слова:

«Сейчас мы подойдем к зеркалу. Постарайся не сильно удивляться, что бы ты в нем ни увидел».

– Меня еще никто не обвинял в воровстве. Тем более – чужой памяти. – Я включился в игру.

– Семен, а ты когда последний раз причесывался? – Девушка умело вела свою партию.

– Не сегодня. – Это был подходящий повод посмотреться в зеркало. Я встал с кровати и подошел к туалетному столику: – Ого!

Возглас получился чересчур сильным.

«Я же просила!» – упрекнула Маргарита, а вслух произнесла:

– По-моему, все не настолько страшно. Ты же не в монстра превратился, чтобы так пугаться собственного отражения.

– Видела бы ты меня раньше, Риточка. Я ж красавцем писаным был. – «Ну да, если вспомнить, как меня «расписали» перед отъездом из родного городка...» – А теперь – ни рожи ни кожи. Небрит, физиономия заспанная, глаза мутные, а про прическу вообще молчу!

На самом деле моя физиономия не особо изменилась за дни, прошедшие с момента знакомства с синим камнем, даже щетина не слишком бросалась в глаза. Но, кроме моего привычного отражения, в зеркале появилось кое-что еще. Я снова видел лепестки, хотя и не спал. Семь зеленоватых хрустальных капель окружали белый круг, висевший у меня над головой.

– Да ты и сейчас хоть куда, – поддержала флирт девушка.

«Ну что, привык к своему изображению? Теперь посмотри на мое».

Она встала рядом. В зеркале появился еще один цветок, над черными волосами моей гостьи парил прозрачный диск, обрамленный остроконечными лепестками малинового цвета. Красивые, как и сама девушка, но...

«Ведь так не должно быть!» – Грудь словно прострелило острой болью.

Один из лепестков ее короны резко отличался от других. И не только своим тусклым цветом. У него не хватало трети, а оставшаяся часть, казалось, увядала прямо на глазах. Края соседних также побледнели и очень медленно свертывались внутрь – цветок умирал...

– А в зеркальном отражении ты еще красивее, – стараясь себя не выдать, произнес я.

«Ты должен во мне что-то исправить. Я знаю, что будет очень больно, но без твоей помощи мой дар меня уничтожит. Это «что-то» способен видеть лишь ты», – передала она.

Увы, мои мысли Маргарита не слышала. А ведь я понятия не имел, что именно и как должен делать. Во сне помогли ладони, которые сейчас немного покалывало. А как быть здесь?

– Может, моя память затерялась где-то в зазеркалье? И ты должен достать ее оттуда?

Она снова улыбнулась, заставив учащенно биться мое сердце.

Принципиально не верю в любовь, вот уже два года. Страсть – да, без нее никак: что природой заложено, от того никуда не деться. Она и придумана для того, чтобы продолжался род человеческий. Влюбленность – может быть, хотя ее, скорее, следует отнести к составной части той же страсти. А любовь... Ну есть такое женское имя.

– Ладно, давай попробуем! – Я усадил девушку на стул перед зеркалом и, как заправский экстрасенс, начал водить руками над прической пациентки.

«А ведь она по-настоящему красивая! Насте до нее расти и расти. Вот только молнию на костюмчике можно было и поглубже расстегнуть. – Глаза прикипели к импровизированному декольте ее наряда. – Представляю, какая она в вечернем платье!»

Спроси меня кто-нибудь, что я вкладываю в понятие женской красоты, пожалуй, и не отвечу сразу. Наверное, если рядом с девушкой у тебя перехватывает дыхание, если ты ощущаешь легкость, словно за спиной выросли крылья, если... По-моему, я снова полез в высшие сферы. Эдак еще докачусь до того, что действительно существует такое чувство...

«Ты хоть скажи, что проводишь сеанс лечения, во время которого надо молчать. А то уставился в зеркало, того и гляди дырку в нем прожжешь. Хочешь, чтобы наши наблюдатели решили, что ты в меня влюбился?» – В глазах гостьи промелькнули лукавые огоньки.

«А что, не имею права?!» – взбунтовался я, но вслух произнес совершенно другое, добавив в голос таинственности:

– Рита, сейчас я попробую проникнуть в ваше подсознание. В это время вам нужно сосредоточиться на чем-то очень светлом и приятном. Разговаривать категорически воспрещается.

– Слушаюсь, целитель.

«А ты пока слушай меня. Синий камень кое-что нашептал всем нам. У меня с ним был, пожалуй, самый длинный разговор. Поэтому я так и ждала встречи с тобой. Жаль, ты не владеешь мыслеречью, но «да» и «нет» будешь обозначать глазами. Моргнешь – положительный ответ, посмотришь вверх – отрицательный. Понял?»

Я моргнул.

Интересный у нас на первом свидании разговор получился. Следуя общепринятому постулату о женской любви ушами, обычно я говорю без умолку, а тут – весь внимание. Ловлю каждое слово, хоть предмет моего обожания рта не раскрывает. Твою ж озабоченность и мать ее наготу на пляж нудистов! Причем не только слушаю, еще и работаю при этом.

От прикосновения моих ладоней зримый лишь в зеркале поврежденный цветок очень медленно восстанавливался. В некоторые моменты это причиняло девушке страшную боль, особенно при наращивании резных прожилок лепестка. Иногда ее мысленные крики наполняли мое сознание до краев, но оторвать руки от работы я не мог, опасаясь, что тонкий хрусталь, видимый только в отражении, рассыплется от первого же неосторожного движения. Во время этих приступов она прерывала свой беззвучный монолог. Затем возобновляла снова.

«Насколько я смогла разобраться, камень является спасательным кругом для людей в том шторме, который на нас надвигается. Однако он не может дать свою силу каждому.

Что-то в нас настолько испортилось, что при соприкосновении с даром ведет к гибели. Как, например, случилось со мной. Без тебя мне бы оставалось жить не больше месяца...»

Она говорила с такой уверенностью, что мой скептицизм сдавал одну позицию за другой. В самом начале монолога пациентки внутренний голос еще напоминал о себе едкими комментариями типа: «Во дает! Неужели и сама в это верит?» Потом он замолк. Я полностью ушел в слух и в работу. Между прочим, очень тяжелую.

Казалось бы – стоит человек, держит над головой красавицы ладони, пялится в зеркало и ничего не делает. Но у этого человека взмокла спина, покраснели глаза и начало ломить шею и спину. Вдобавок появилось какое-то жжение в груди. Ощущения, прямо скажу, не из приятных, но осознание того, что мои действия должны спасти жизнь Риты...

А ведь получалось! Лепесток что-то забирал из моих ладоней, восстанавливая свою структуру, и к нему возвращалась яркость красок, появлялся блеск...

Первые успехи не могли не вдохновить. Откуда и силы взялись? Движения стали более уверенными, энергия, с начала сеанса мелкими разрядами поступавшая ко мне через пальцы, потекла ровными потоками прямо из воздуха – того воздуха, что окружал нас в зазеркалье.

«...На сегодняшний день на Земле открыто пять посылок, – продолжала она, – но лишь в России после вскрытия камня выжили все шестеро участников. С твоим даром (не знаю пока, в чем он заключается) – только один».

Я закончил восстановление поврежденного лепестка и убрал небольшие вкрапления с остальных. Ее цветок засиял. Теперь он был похож на те, которые являлись мне во сне. Девушка как раз подходила к концу своего рассказа.

«Постарайся сам разобраться в себе. Не думаю, что твой дар направлен лишь на исправление повреждений, причиненных синим камнем».

– Рита, все, что мог, я сделал. Как самочувствие?! – прервал я затянувшееся молчание.

– Семен, ты волшебник. Я вспомнила. Синий камень, туман. Я определенно все вспомнила! Надо срочно рассказать Ангелине Львовне.

«Пока они будут возиться со мной, у тебя есть возможность отдохнуть, – сообщила она, выходя из номера. – До встречи. Когда завтра к тебе придут, не рассказывай им все, что от меня услышал. Вряд ли поверят и могут сделать больно».

Оставшись в комнате один, я уселся на ее место и глянул на свое отражение. Белый диск (во сне я таких не встретил) в окружении зеленоватых хрустальных лепестков был виден отчетливо. Поврежденными они не выглядели, но по поводу чистоты... Тут следовало немного поработать. Почему-то мне захотелось добиться такого же сияния, как у Маргариты.

«А-а-а! – Хорошо, что я знал, чего ожидать, иначе бы крик вырвался наружу и привлек внимание наблюдателей. Боль действительно была адской. Но ведь девушка стерпела. Самолюбие не позволило опустить руки. – Зайцев, не будь тряпкой. Ты должен вытерпеть!»

Процедура очищения заняла полчаса. Пару раз пришлось до скрежета в зубах стиснуть челюсти, чтобы не заорать, но результат был достигнут. Цветок засверкал. Почему-то мне этого показалось мало. На белом диске имелось несколько едва заметных пятнышек, от которых тоже хотелось избавиться.

– Ай! – Вот тут я не удержался.

Ладонь обожгло так, будто ее сунули в кипяток.

«Так тебе и надо, нечего грязными лапами лезть в душу!»

В номере зазвонил телефон.

– Семен Евгеньевич, у вас все в порядке? – раздался в трубке незнакомый мужской голос.

– Ничего страшного, язык прикусил. Скажите, а когда здесь обед? – Я постарался перевести разговор на другую тему, между прочим, очень для меня актуальную.

– Сейчас распоряжусь.

«Лезть в душу? А что, интересная гипотеза! Где еще, как не в зеркале, ее можно увидеть? Одно не совсем понятно: почему у меня диск белый, а у нее – прозрачный? Во сне тоже были прозрачные. Еще одна загадка для философов? Пожалуй, нет. Как бы тут самому разбираться не пришлось».

Походив по комнате, я так и не нашел нужных ответов. Упал в кровать. Сколько себя помню, в положении лежа (если лежу один, конечно) мыслительный процесс у меня идет гораздо шустрее.

«Шесть человек. – Появилось время проанализировать сведения Маргариты. – Один получает способность к перемещению в пространстве, второй – умение летать, третий – двигать предметы на расстоянии, четвертый – читать мысли, пятый – передавать свои в мозг собеседника, а шестой – прямо ассенизатор какой-то. Ничего сверхъестественного не получает, зато видит в зеркале цветочки, которые может ремонтировать и очищать от грязи. Зачем?»

Из слов брюнетки следовало, что после контакта с камнем все избранные могут слышать ее речь, причем на довольно большом расстоянии. Об этом ей сообщил парень из штата Аризона, который получил от камня такой же дар. Он и посоветовал участникам эксперимента быстрее покинуть место заточения.

«Очень скоро человечество либо перешагнет очередной рубеж, вступив в новую эпоху, либо погибнет, – горячо убеждала она меня. – Те, кто прошел испытание синим камнем, должны навести мосты для этого перехода остальным. И таких «одаренных» людей должно становиться все больше».

Она только не объяснила, каким образом будет происходить увеличение количества уникамов. Если способности передаются по наследству, то процесс затянется надолго, ведь девушка сообщила, что посылки больше не будет. В дальнейшем мы сами должны помочь себе выжить. Но как?

«С другой стороны, а стоит ли принимать ее слова на веру? Тем более те, которые Рита даже вслух не произносила? Только потому, что она мне нравится? Да уж, весомый повод, ничего не скажешь. С учетом того, что мне нравятся очень многие...»

Принесли обед. Опять Ангелина Львовна. Похоже, контакт с другими людьми был временно противопоказан.

– Из альбома что-нибудь пропало? – спросила она, придвинув столик вплотную к кровати.

Маргарита не ошиблась, когда говорила, что за нами наблюдают.

– Две фотографии, – ответил я, – с последней страницы.

– Что на них было?

– Я в плавках.

– Один?

– Если не считать экзотических растений, то да.

– У вас есть недоброжелатели?

– Может, это поклонницы?

– Сомневаюсь. Приятного аппетита. – Женщина оставила меня наедине с обедом.

«Пожалуй, она права. Встреча у Настиного подъезда, драка в подворотне, звонок «одноклассника», нападение на Ромку, изображавшего меня, – звенья одной цепи. Непонятно, откуда она тянется? Почему очкарик нашел меня в чужом доме? Допустим, кто-то не слишком хорошо описал ему мою внешность. Адрес прописки узнать несложно. Но дом Насти? Неужели Пинкертон выследил?»

В нашем доме проживает один мальчишка, который сует свой нос в каждую щель. Не знаю паспортных данных этого проныры, но все соседи зовут его именем великого сыщика. И не даром. Если нужно найти кого-то из обитателей четырех соседних домов, спроси у Пинкертона, и тот выдаст сведения о трех-четырёх местах, где конкретного человека можно отыскать,

причем еще и приоритеты расставит. Пару раз я замечал, что парнишка за мной следит, но ведь могли быть и другие случаи.

«Жаль, я не догадался в свое время записать его телефон. Хотя связи с внешним миром у меня все равно пока нет. Зато у очкарика теперь точно есть мое фото, и повторить трюк с подменой не получится. Хотя после случая с Ромкой... Нет, подставлять хороших людей под пули – не наш метод».

Глава 3

Живое воплощение

– Та-ак, пацан, кувыркком тебя через коромысло, ты что с девкой вчера сотворил? Почему ее сегодня не обнаружили в комнате? В игрушки играетесь? С государством, которое вас на ноги поставило?! Да ты знаешь, ешь твою медь, сколько денег страна потратила на этот чертов эксперимент с камушком?

Ничего себе «с добрым утром, любимая»! Я отбросил одеяло, присел на край кровати и открыл было рот, чтобы поприветствовать очередного визитера, но не успел даже вдохнуть воздух в легкие.

– Молчать, когда я спрашиваю!

Вот и поздоровались. Спросонок счел за лучшее промолчать, а мужик продолжил с тем же напором:

– Миллионы потрачены не для того, чтобы такие, как ты, прохлаждались в дорогих отелях на всем готовеньком да насмехались над товарищами учеными! Пусть я здесь остатки своего здоровья потеряю, но ты мне ответишь на все вопросы. Понял, ешь твою медь?

А вот это уже конкретный наезд. Похоже, наверху начали терять терпение. Вначале увещевал обходительный Алексей Степанович со своей «сывороткой правды», затем допытывалась неприступная, но вежливая Ангелина Львовна. Теперь выбивать из меня правду, о которой я и сам не ведаю, прибыл нахрапистый мужик в форме майора внутренних войск, не посчитавший нужным даже представиться. Ладушки! Я, если очень захочу, умею изумлять не только женщин.

– Вы закончили допрос, товарищ майор?

– Чего?

– Мне было приказано молчать, пока вы спрашиваете. Вот я и интересуюсь...

– Издеваешься, интеллигент?

– Понял: вопросы продолжаются. Тогда я молчу. Вы мне потом сигнал подадите или я буду выжидать тридцать секунд молчания?

Майор положил мне руку на плечо и надавил большим пальцем в районе ключицы. Маргарита оказалась права – сделали очень больно.

– Шибко умный? Со мной лучше быть догадливым. Это сэкономит всем и время, и здоровье. Уразумел?

Волна ярости накатила откуда-то изнутри, я взглянул на офицера, едва сдерживая себя, чтобы не кинуться в драку.

– Майор, убрал руку! Быстро! Иначе разговора у нас не получится.

Не знаю, что он увидел в моих глазах, но все-таки отошел в сторону.

– Ты как разговариваешь со старшим по званию, пацан?!

– Как он того заслуживает!

По жизни я человек неконфликтный, даже сдержанный. По крайней мере, таковым всегда себя считал. До контакта с синим камнем.

– Можешь об этом сильно пожалеть, ешь твою медь! – Отошел еще на шаг служивый – видимо, о моих «подвигах» он был немного наслышан.

– Не я один!

– Угрожать мне вздумал? Да я...

– А вы попробуйте, агент ноль-ноль-семь! Мне еще ни разу не приходилось драться в номере отеля, но могу сделать исключение.

– Драться с тобой? Да тебя на один мой удар не хватит.

– А вдруг на два? Не проверив, не узнаешь. Как там по диалектическому материализму: практика – критерий истины?

– Шибко умного из себя корчишь?

– Да уж точно не дурак, поэтому сразу хочу прояснить один момент. Вы вообще зачем пришли – задать вопросы? Так задавайте, может, и ответу. Или мы до вечера будем забрасывать друг друга взаимными угрозами? – Я почти успокоился, взял спортивный костюм с тумбочки и начал одеваться.

– Кувырком тебя через коромысло! – первый раз «Джеймс Бонд» усмехнулся, а в голосе зазвучали одобрительные нотки. – А ты мне начинаешь нравиться, пацан. Нутром чую, разговор у нас склеится. Как зовут?

– А что, разведка не доложила? Семен Зайцев.

– Звание?

– Лейтенант запаса.

– Служил?

– Нет. В институте военная кафедра была. А еще не привлекался, родственников за границей не имею, в религиозных сектах не состою. Вам достаточно или сообщить группу крови, резус-фактор и размер ботинок?

– Достаточно. Меня можешь звать Владимиром Степановичем. Засим будем считать процедуру знакомства законченной. Вы вчера в этой комнате с девицей чем занимались?

– Не совсем тем, чем бы мне хотелось, – попытался уйти от ответа.

– Понимаю, – засмеялся майор. – И все-таки?

Чтобы потянуть время, кое-как привел в порядок перед зеркалом свои взлохмаченные волосы. Расческу в номер мне так и не догадались принести.

– Я беззастенчиво разглядывал ее отражение, изображая при этом экстрасенса.

– С какой целью?

И он еще спрашивает! Это же элементарно, Ватсон! Молодого здорового мужика изолировали от общества, кроме «железной леди» Ангелины и смотреть не на кого, а тут...

– Не каждый день ко мне заходят такие красотки, а тут перед зеркалом вид сверху, вид спереди. В общем, все удовольствия.

– Хочешь сказать, ешь твою медь, к ней вернулась память после твоих пылких взглядов?

– По крайней мере, именно это она утверждала. С чего бы я стал сомневаться? После событий последних двух суток во что угодно поверишь...

Мужчина подошел ко мне со спины. Наверное, собираясь проверить, насколько удобной для наблюдения была позиция.

«Ого! – я едва не вскрикнул. В зеркальном отражении над его головой мне был отчетливо виден прозрачный диск и лепестки. Точнее, то, что от них осталось. – Он тоже участвовал в эксперименте с синим камнем? Вряд ли... Тогда почему я вижу цветок?»

По моим ладоням пробежало легкое покалывание – они начали впитывать в себя энергию. Не знаю, правда, зачем?

– Понимаешь, Семен, там, наверху, считают, что Маргарита исчезла не без твоей помощи. Ты должен либо подтвердить, либо опровергнуть это мнение. Так что я тебя слушаю. Очень внимательно. И учти: слова без доказательств – пустой звук. Нужны факты. И весьма убедительные.

– Факты? – Шальная мысль уже засела в голове и уходить оттуда не собиралась. – Хотите узнать, что я действительно сделал с девушкой? Пожалуйста. Восстановил ей память, а заодно не позволил умереть. Дар, полученный ею от синего камушка, мог убить Риту в самое ближайшее время.

– Опять дар? Какой?

Точно помнил, что вслух мы с ней об этом не говорили. Потому и не хотелось посвящать в тайну других. Однако слово с языка сорвалось. Сказал А, говори и Б.

– Думаю, каждый из шестерых «сокаменников» получил свой дар. Я, к примеру, вижу ауру человека и могу ее починить. У Маргариты она была повреждена, пришлось латать дыры. О своем даре она рассказать не успела, торопясь порадовать Ангелину Львовну. А кстати, где мой личный надзиратель или вы с ней по сменам работаете?

– Семен, не уводи разговор в сторону, – раскусил меня офицер. – Что за аура? Ты мне тут еще о колдовстве расскажи.

– Я не чародей, не шаман, не маг и даже не зубная фея, поэтому о колдовстве ничего не знаю. А девушке я действительно подправил энергетическую оболочку – она же все вспомнила.

– Думаешь, твоим бредням кто-нибудь поверит? Нужна правда, и только правда, лейтенант!

– Я так понимаю, что правдой является только то, что где-то там, наверху, хотят услышать? В таком случае возьмите листок бумаги и напишите, что именно я должен произнести, чтобы успокоить начальство и оно вам жалованье повысило да звездочек на погоны добавило, – я снова вышел из равновесия и сказал то, чего не следовало.

– Ты мои звездочки не тронь, пацан! Они кровью и потом заработаны, – не остался в долгу Владимир Степанович.

– А вы прекратите цепляться к каждому моему слову! Тоже, нашли пустобреха. Если б мне действительно нужно было что-то придумать, то уж постарался бы выбрать более правдоподобный вариант.

– Ладно, уgomонились, – теперь миротворцем выступил майор. – Чем можешь подтвердить свои слова?

Ладони к этому моменту чесались так сильно, что я не выдержал:

– Хотите подтверждения? Пожалуйста. Тогда прошу занять место перед зеркалом. Только учтите – будет больно. Очень больно.

– Что ты можешь знать о боли, лейтенант? – Мужчина решительно придвинул стул к туалетному столику.

Кто же так поиздевался над цветком его души? Лишь один лепесток был неповрежденным, а вот остальные...

– Сколько вам лет, Владимир Степанович? – вопрос вырвался сам собой.

– Сорок пять.

– Не может быть! – На мой взгляд, ему было не меньше шестидесяти.

– Что, не похож на ягодку? Так я ведь не баба, ешь твою медь. Ладно, чего ты там доказывать хотел? Давай быстрее.

– Быстро не получится. Вашу ауру словно из пулемета расстреляли – дырка на дырке.

– Из гранатомета. В Афгане. Четверть века назад. – Утренний гость хотел еще что-то сказать, но мои манипуляции заставили его крепко сцепить зубы.

Майор оказался мужественным человеком. В течение двух часов он не проронил ни звука. Я видел, что он испытывал непереносимую боль, но лишь ходившие желваки да пару раз выступившая на губах кровь выдавали его мучения. Наконец цветок засиял.

– Я закончил. – Ощущение полной опустошенности навалилось так резко, что я едва не рухнул по пути к диванчику.

– И что это было? – Владимир Степанович оторвал взгляд от зеркала, так и не обнаружив видимых ему результатов работы.

– То же, что я сделал с Маргаритой.

Он с трудом встал. Пару раз прошелся по комнате. Видимо, внутри человека что-то изменилось и он это почувствовал.

– И девчонка все стерпела?

– У нее был не такой запущенный случай.

Почти сразу зазвонил телефон.

– Слушаюсь, сейчас буду. – Майор положил трубку. Возле самой двери он оглянулся и негромко произнес: – Ты меня убедил, парень.

Очень хотелось выяснить в чем, но сил не осталось. Ни капли. Меня словно пропустили через мясорубку. Тупая боль поселилась во всем теле, а голова гудела, как трансформатор под напряжением.

«Чем это меня так расплющило?» – Я уронил голову на подушку.

– Добрый вечер, Семен Евгеньевич. Как самочувствие?

Новый посетитель вошел в комнату бесшумно. Не было слышно ни скрипа открывавшейся двери, ни шагов. Когда я отвернулся от окна, высокий мужчина в сером костюме стоял в центре комнаты.

– Здравствуйте! Не жалуюсь.

«Ну и текучка у вас, господа исследователи. Что ни день, то новый кадр. Сегодня так уже второй пожаловал. Скоро десятками приходить будете? Что на этот раз от меня нужно?»

– У меня для вас хорошие новости. Эксперимент закончился, а вместе с ним и ваше заточение. – Его голос, несмотря на мягкость, казался клейким и тягучим, как липкая масса, в которой увязают мухи.

– Здорово! И когда меня выпустят?

Люблю хорошие новости, но когда они приходят столь неожиданно, начинаешь сомневаться в искренности людей, их приносящих. Как там про данайцев?..

– Прямо сейчас, Семен.

– Я могу идти?

Поверить в столь внезапную удачу? Особенно после утреннего разговора с майором? В сказках, конечно, и не такое случается, но мы живем в реальном мире, где за любое чудо следует платить. Вопрос – кто, чем, когда и сколько?

– Несомненно.

– А где можно забрать вещи?

– Все уже в машине. Пока будем ехать, переоденетесь.

– Вы отвезете меня домой?

«Прямо подарок на подарке. Раз уж такое счастье привалило, может, спросить, сколько мне денег выплатят за моральный ущерб?»

– Несомненно.

– А чем все-таки закончился эксперимент? – Уходить из гостиницы не хотелось. Хоть бы голову не морочили – наверняка отвезут в какую-нибудь лабораторию без окон и дверей.

– Ученые пока обрабатывают результаты. Вполне возможно, вас еще несколько раз вызовут в столицу для уточнения некоторых данных.

– А остальные?

– Вы о тех, кто сбежал?

– Ага.

– Они одумались и вернулись.

– Могу я их увидеть?

– В этом сейчас нет необходимости, Семен Евгеньевич. Чуть позже вас обязательно соберут вместе. Возможно, даже перед камерами репортеров. Но это случится не раньше, чем будут подведены окончательные итоги.

«Какие итоги? Несколько ничего не значащих разговоров, мои потуги над лепестками, которые, я уверен, никто из наблюдателей заметить просто не мог. И все? Более чем странно. И, кстати, почему он не представился, если такой вежливый?»

Большие зеркальные очки не позволяли разглядеть его глаз, а взглянуть в них очень хотелось. Находясь в обществе этого человека, я никак не мог отделаться от неприятного ощущения. Его речь, манера держаться, весь внешний вид эдакой невзрачной серой мыши, которую не сразу и заметишь, а тем более не запомнишь, – все это настораживало. Особенно покоя не давала звенящая тяжесть в голове. Пока он здесь не объявился, я чувствовал себя нормально.

– Результаты обнадеживают? Хотя бы предварительные?

– Несомненно.

«Вот заладил! Неужели других слов нет?»

Я продолжал тянуть время. Взял очки, альбом, проверил все ящики тумбочки.

«Зачем переодеваться в машине, если это гораздо удобнее сделать в комнате? Мы что, убегаем от кого-то? Так нет, вроде он не торопит».

– Подержите, пожалуйста. – Я передал ему альбом, подойдя почти вплотную.

Еще раз попытался разглядеть глаза незнакомца, чтобы угадать его мысли, но зеркала стеклышек... Очки!!! Меня бросило в холодный пот. Та же фирма, с тем же отличительным знаком, сообщающим, что перед нами оригинал. Я, конечно, допускаю совпадения, и очки за пятьсот долларов нынче позволить себе могут многие граждане. Но почему эти состоятельные люди норовят оказаться рядом со мной?

– Скажите...

– Семен, если не возражаете, разговор мы можем продолжить и в пути. Водителю еще назад возвращаться. Давайте не будем его сильно задерживать.

«Накаркал, вот мы уже и торопимся. – С каждой секундой все меньше хотелось покидать комнату. – У них что, проблема со свободными номерами? Вряд ли. А вдруг этот тип не за того себя выдает? Кстати, за кого? Он так и не назвал себя».

– Может, лучше действительно завтра? Зачем гонять человека на ночь глядя?

Я приблизился к зеркалу, пытаюсь найти угол, при котором смог бы увидеть отражение незнакомца, но тот сместился к входной двери.

– Прошу прощения, молодой человек. Я ведь сюда не по своей прихоти явился. Как вы, наверное, уже догадались, мы тут все – люди подневольные. У меня есть приказ сопроводить вас домой, у водителя – доставить. Причем именно сегодня. Забирайте свои вещи и давайте уже выходить. – Он швырнул мне альбом.

«Так, учтивость на сегодня у него закончилась. Что будет дальше?»

– Ну ладно, пойдемте.

Пустынный коридор, ковровая дорожка, множество таких же дверей, как и в моем номере. Однако лифта по дороге мы так и не встретили. Незнакомец открыл стеклянную створку.

– Внизу предупредили, что лифт барахлит немного, поэтому придется пешком, – как бы извиняясь, сообщил он.

«Интересно, если сейчас упасть на ступеньках и чего-нибудь себе повредить, отнесут обратно в номер или на «скорой» в больницу? А может, просто добьют, чтобы не мучился? Нет, проверять не буду».

– Пешком даже лучше. Не вверх же.

На самом деле я так не думал. Мужик казался мне все более подозрительным. Мы вышли по пожарной лестнице к заднему двору. На улице он указал в сторону синего джипа:

– Наша карета.

Лучи заходящего солнца больно ударили по глазам. Я вспомнил про свои очки, которые нес в руке. Быстренько нацепил их на нос. Стало гораздо комфортнее. И вдруг меня остановил резкий рывок за плечо с разворотом к незнакомцу.

– Одно неосторожное движение – и я его убью! Слышите?! – гаркнул он.

В правой руке мужика оказался пистолет с глушителем.

- Что тут?.. – Я никого, кроме нас, не видел и ничего не понимал.
- Заткнись, если хочешь жить! – приказал он.

Честно говоря, я так и застыл на месте, уставившись в зеркала его очков. Сначала заметил свое перепуганное лицо, а затем... В отражавшихся там стеклах своих очков мне удалось разглядеть его голову. Изображение было очень мелким и появилось всего на долю секунды, но этого хватило, чтобы заметить лишенный лепестков черный диск над волосами незнакомца. Круг довольно отчетливо выделялся на светлом фоне гостиницы.

«Если слышишь меня, сожми руку в кулак», – прозвучало у меня в голове.

Я выполнил распоряжение.

«Семен, будь готов рвануть вправо на счет «три»! Один, два...»

На счет «три» между мной и незнакомцем внезапно возник человек. Я кинулся вправо, владельца зеркальных очков отбросило влево. Прозвучал один приглушенный выстрел, второй.

– Не дайте ему уйти, ешь твою медь! – донесся откуда-то сбоку знакомый голос.

«Семен, повернись и беги к зданию из красного кирпича, там стоит серебристая легковушка. Быстрее!» – выдавала четкие указания Маргарита.

Не прошло и минуты, как я оказался в машине.

«Я же не умею водить!» – мысленно возопил я: в салоне не было ни души.

– Не бойсь, лейтенант, кувырком тебя через коромысло, без водилы не останешься. – Майор заскочил следом.

– Владимир Степанович? А где?..

– Маргарита будет позже. – Мужчина не отрывал взгляда от бокового зеркала: видимо, опасность еще не миновала.

– Вы?..

– Да. После твоего сеанса могу читать мысли. Потому и вычислил того гада в очках. Мы с ним в отеле столкнулись. Иду, а он солнечные зайчики пускает мне прямо в глаза, а сам прокручивает в голове план, как без особого шума попасть в шестьсот девятый номер и потихому увезти оттуда клиента.

Все происходившее казалось невероятным, мысли путались в голове. Майор-телепат, мужик с пистолетом... Если тот действовал без ведома властей, почему его не остановили еще возле моего номера? Откуда он знал об эксперименте? Как с наблюдением, куда смотрела Ангелина Львовна?

Автомобиль тронулся с места.

– Этот тип, похоже, знал слишком много. Сначала он нейтрализовал охрану, затем заглянул в смотровую комнату, и ему точно было известно, где она находится. Там теперь все спят. Ангелина в том числе, – сообщил майор. – Потом он наверняка прокрутил запись, чтобы знать, о чем говорить с тобой. Это дало нам немного времени на подготовку.

– Кто это был?

– Очень опасный человек. Маргарита пыталась тебя предупредить, когда он был в гостинице. Слышал ее?

– Нет.

– Мы так и думали, поэтому и решились на ментальный удар. Тут он и занервничал. Догадался, сволочь, что голова не сама по себе заболела.

– А я сразу услышал Риту. – Сердце продолжало колотиться в груди с удвоенной скоростью: не приходилось мне раньше видеть направленный в лицо ствол. – Вы его поймали?

– Нет. Слишком ловким оказался. Нас было четверо, а он умудрился уйти. Да еще двоих чуток подранил, кувырком его через коромысло. Ты ремешок-то пристегни. Девушка просила тебя в целости и сохранности доставить.

– А вы с ней как общаетесь? – удивился я.

«Неужели и он может мысли на расстоянии передавать?»

– Не, как Маргарита, я не умею, – ответил он. – Дамочка мне сразу свой номерок дала, вот я ей и позвонил.

Защелкнуть ремень без помощи водителя у меня не получилось – шоковое состояние не отпускало. Майор развернулся вполоборота и ловко справился с механизмом. Только теперь мне удалось его как следует рассмотреть.

«Ничего себе перемены! Выглядит лет на двадцать моложе. Может, это его сын?»

– Я это, ешь твою медь, я, – снова влез он в мои размышления. – Не знаю, что ты там сотворил перед зеркалом, но мои болезни куда-то испарились. А здоровый человек и выглядит, знамо дело, красивше. Ты же мне практически вторую жизнь подарил, лейтенант. Врачи еще полгода назад смертный приговор подписали, кувырком их через коромысло.

Москву я знаю плохо, хоть и проучился здесь пять лет. Одно дело – когда все твои путешествия по столице проходят под землей, и совсем другое – по поверхности. Иногда мы проезжали мимо знакомых мест, но в основном двигались по неизвестным мне улицам.

Владимир Степанович оказался разговорчивым собеседником. А с учетом его особенности слышать чужие мысли, мне и говорить не приходилось. Мы так и ехали, пока солнце не скрылось за горизонтом. Когда майор притормозил, я решил, что мы наконец прибыли, и собрался освободиться от ремня, но в это время открылась задняя дверца и к нам забрался еще один пассажир.

– Привет, Семен! – раздался радостный голос Маргариты. – Поздравляю тебя с осознанием своего дара.

– Спасибо! Очень рад тебя видеть. Владимир Степанович сказал, что ты знаешь о том типе, который пытался меня вывезти из гостиницы. Кто он? – В сознании на миг проявился черный диск, от которого веяло могильным холодом.

– Высокий, худощавый, редкие русые волосы, короткая стрижка, носит очки с зеркальными стеклами?

– Да, он.

– Приблизительно такого же видели в Греции. С ним связывают смерть шестого участника их эксперимента. Правда, после контакта с синим камнем парень находился в тяжелом состоянии, тем не менее врачи зафиксировали насильственную смерть.

– Рита, а каким образом ты сумела наладить контакт с товарищем майором?

– Я же говорила, что кроме мыслеречи владею и некоторыми другими способностями. Например, точно знаю, где находится каждый, кто контактировал с синим камнем и как настроиться на его волну.

– Со мной она связалась сразу, как я от тебя вышел. Когда услышал в своей башке чужой голос, думал – все, крыша поехала. Если бы не твои своевременные разъяснения, красавица, точно бы в психушку пошел сдаваться.

– Но он же не участвовал в эксперименте?! – Пришла моя очередь удивляться.

– Нам больше не нужен синий камень. У нас есть ты, – с какой-то теплотой в голосе произнесла девушка.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Ее лицо было плохо освещено, зато как сиял цветок у нее над головой! И это было моих рук дело.

– И все-таки, что у меня за дар? С чем ты меня поздравила? – повернулся я к пассажирке.

– Не понял? – улыбнулась она. – Ты – живое воплощение синего камня. Теперь мы можем открывать заложенные в людях способности. Разве это не здорово?!

«Принцессу твою на горошину и королеву-мать ее туда же! Мне только воплощений не хватало. Нельзя было с синей рожей на эксперимент соглашаться. Видать, прозвище Синька не иначе как «синий камень» расшифровывается. Вот и получите!»

Почему-то мне сразу представилась машинка для вскрытия консервных банок. А от воскрешенных слов юной красавицы похолодело в груди. Если подобные «открытия» будут про-

исходить так же, как у майора, меня надолго не хватит. Кстати, о Владимире Степановиче. Я ж для него, как открытая книга или, точнее, включенная радиоточка.

– А зачем это нужно?

– Неужели не понимаешь?! – продолжала она. – Если этого не сделать, человечество погибнет.

– Откуда такая информация?

– От камня.

– погоди, если я – его живое воплощение, то почему ничего подобного не знаю? Расскажи, что произошло с тобой во время контакта с плитой.

– Мне сказали, что дар поможет отодвинуть человечество от опасной грани, к которой мы неумолимо приближаемся. И еще добавили, что мы не должны сообщать о нем властям. Иначе погибнем.

– И все?

– Думаешь, этого мало?

– Негусто, – поддержал мои сомнения майор. В этот момент зазвонил его сотовый. Служивый включил связь и сразу начал пристально всматриваться в зеркало заднего вида. – Кстати, о властях. За нами вот уже десять минут следует авто. Причем весьма грамотно сохраняет дистанцию, кувырком их через коромысло. Я слежки так и не почувствовал.

– А откуда тогда знаете?

– Я ведь в органах не один десяток годков отслужил, кое о чем понятие имею. Поэтому и организовал нам небольшой эскорт. Мои ребятки в километре от нас едут, они и сообщили. Не зря ж мы тут круги наматываем. Семен, у тебя из номера какие вещи с собой?

– Костюм, тапочки и очки.

– Избавься.

– Не могу.

Так и хотелось добавить, что, как джентльмен, в присутствии дамы я раздеваюсь только после нее, но сдержался. Майор «услышал» мои мысли.

– Извини, ее я о том же попросить не могу, – тихо произнес он, едва сдерживая смех.

– О чем вы там шепчетесь? – насторожилась Маргарита.

– Семен тебя стесняется, а ему срочно следует избавиться от одежды. Думаю, там «жучок» установили.

– У тебя какой размер? – неожиданно спросила она.

В первое мгновение я не понял, о чем она спрашивает. Степанович, подслушав мои мысли, не удержался и захохотал в полный голос:

– Она имеет в виду костюм и рубашку, а не то, о чем ты думаешь.

– Брюки – сорок шесть, пиджак – сорок восемь, рост сто семьдесят шесть сантиметров. Рубашка по вороту тридцать девять, обувь сорок два, – по-военному отчеканил я параметры, одарив водителя недобрый взглядом. Все-таки размер ботинок пришлось сообщить.

– Я смотрю на дорогу, можешь обнажаться, – отвернулась красotka.

– Нас на первом же посту ГАИ задержат. Да еще в извращенцы запишут.

– Ничего страшного, – успокоил майор. – Скажешь, что из казино домой добираться.

– Так их все вроде позакрывали в Москве?

– Допустим не все, но ты прав. За игру в азартные игры могут и в обезьянник забрать.

– Семен, ты еще одет? – возмущенно спросила Маргарита.

– Ну раз девушка просит...

– Владимир Степанович, дайте ему подзатыльник от моего имени. И пусть он поторопится. А вы притормозите возле светофора. Илья сейчас принесет одежду, а наш стеснительный пусть отдаст ему свою.

За время, пока мы находились в машине, девушка ни разу не обратилась ко мне посредством мыслеречи. Она, по-видимому, отдавала распоряжение другим коллегам по контакту с камнем.

На остановке совершили обмен. Мне вручили туфли, костюм и рубаху с плечиками и ценниками, я избавился от спортивного костюма и тапочек.

– Очки тоже отдай, – напомнил водитель.

Загорелся зеленый, и мы поехали дальше.

– Где он в столь поздний час отыскал работающий бутик? – любопытствовал я, облачаясь в новый наряд.

– Илья умеет проникать через запертые двери.

– Теперь я понимаю, для чего нужно открывать в людях новые способности. Раньше костюмчик по такой цене я себе позволить не мог. А тут – пожалуйста.

Вскоре снова зазвонил телефон Степановича, и мы выяснили, что «хвост» отвалился. Затем кто-то связался с Маргаритой.

– Илья сказал, что в очках действительно находился маячок. Но без микрофона и оптики.

– Повезло. Тогда на базу?

– Да, пора бы и отдохнуть немного, – согласилась девушка.

Я начинал понимать, кто здесь является командиром.

– У нас уже есть своя база?

– Конечно, не под открытым же небом ночевать.

– И куда мы направляемся?

– В Подмоскowie. У Ильи там небольшой домик имеется.

– А он не боится, что в этот домик могут нагрянуть незваные гости?

– Это не его избушка, – пояснила девушка. – Думаешь, мы глупее паровоза?

– Нет. Просто я, когда на тебя смотрю, трезво мыслить затрудняюсь.

– Тогда смотри на Степановича.

– За сегодня уже посмотрелся. Через зеркало. К тому же в его облике для меня ничего привлекательного нет.

– Молодежь, хватит болтать попусту. По-моему, вон тот джип я сегодня уже видел возле гостиницы. Семен, ты точно от всех вещей избавился?

– Альбом остался, но это мой, из дома.

– Выброси в окно немедленно!

– Там же фотографии, – растерялся я.

– На том свете они тебе не понадобятся. Вон твой очкарик уже ствол вытащил. Маргарита, давай на пол.

Мы мчались практически по пустынной ночной дороге. Я опустил стекло и бросил альбом. Едва не попал в стрелка, а он первым же выстрелом разбил нам заднее стекло.

– Ешь твою медь! – выругался майор. – Стрелять умеешь? – Он вытащил пистолет Макарова.

– Приходилась пару раз.

– Тогда действуй. Этот очкарик, кувырком его через коромысло, мне сильно на нервы действует.

С третьего выстрела я попал в лобовое стекло, и наши преследователи были вынуждены сбросить скорость.

– Молодец! – похвалил Степанович. – Маргарита, ты как?

Девушка снова разместилась на заднем сиденье.

– Голова очень болит.

– У меня тоже раскалывается. Силен, гад.

- Надо было с собой Володьку взять. – Девушка растирала виски. – Семен, у тебя какие последствия от ментального удара?
- Да нормально все, – пожал я плечами. – Что еще за...
- Везет же некоторым! – сказали оба хором.

Глава 4

Облава

Сон человеку нужен не только для отдыха. Говорят, это неплохое средство для упорядочения поступившей за день информации и даже более глубокого ее осмысления. А иногда он способен подсказать выход из сложной ситуации или предупредить о грядущей опасности (опять же по некоторым утверждениям). Убедиться или опровергнуть достоверность подобных слухов у меня раньше не было ни желания, ни времени, но недавние события невольно заставили задуматься.

После контакта с синим камнем мне первый раз в жизни приснились хрустальные цветы. В стране грез я впервые коснулся их лепестков ладонями, а чуть позже пришлось повторить то же самое наяву. И действительно удалось добиться неплохих результатов: Владимир Степанович и Маргарита – наглядные тому примеры. Наверняка эти совпадения не являлись случайными. Кто-то подспудно посылал мне подсказки в использовании дара.

Но что могла означать сегодняшняя?

На черном фоне, словно на экране компьютера в режиме ожидания, вращалась шестиугольная плита. Ее основания излучали светло-зеленый цвет, подобный тому, в какой были окрашены лепестки вокруг моего диска. Все боковые грани казались серыми. За исключением одной, алой, которая мгновенно формировала вокруг плиты защитную сферическую оболочку, если туда извне устремлялись кроваво-красные лучи. Во сне я настолько упорно пытался понять смысл этого видения, что проснулся.

Допустим, плита (поскольку она шестиугольная) – отражение синего камня в моем сознании, тот самый пресловутый дар, которым одарила посылочка каждого из участников эксперимента. Почему он зеленый сверху и снизу? Отчего имеет серые боковые грани? Кто выкрасил одну из них в алый цвет? И что за оболочка не пропускает к шестиграннику красные лучи (по ним отдельный вопрос)?

Загадки, загадки и еще раз загадки...

«Твою ж интуицию и мать ее мудрость на подиум сообразительности! – мысленно выругался я, пытаюсь растормозить мозги. – Это тебе не девиц обхаживать – тут головой думать нужно. Что ж это за тип в очках был? Неужели он имеет какое-то отношение к мужику, который поджидал меня возле Настиного подъезда? Обоих интересовал некто Зайцев, оба носили неприлично дорогие для госслужащих очки. Пока все. Достаточно ли этих двух фактов, чтобы делать обобщающие выводы? Да, чуть не забыл про оружие. Они оба имели пистолеты – не самый распространенный аксессуар».

Ночью, когда мы приехали в дом, я настолько выдохся, что наотрез отказался от полуночного чаепития. Хотелось побыстрее принять горизонтальное положение и хотя бы на время отрешиться от свалившихся на голову проблем.

Размечтался! У них, у проблем, имелись собственные планы: в стране грез меня поджидала очередная засада. Сначала в виде очкарика с его липким голосом. Ни единого слова из сказанного я разобрать не мог, но с каждым новым звуком вокруг все выше и выше поднималась какая-то густая пелена, опутывая тело. Вскоре она достигла горла, почти остановив дыхание. Если бы не яркий луч зеленого света, разогнавший туман и отбросивший незнакомца, мне бы пришлось несладко. Луч исходил из основания шестигранной плиты. Разобравшись с нападавшим, она переместилась на передний план, словно давая рассмотреть себя со всех сторон. Зачем? К сожалению, достойных идей не возникало. Может, у них сегодня выходной?

Окончательно проснувшись, я осмотрелся. В комнате помимо моей кушетки стоял еще один диван. По-видимому, на нем также кто-то отдыхал этой ночью, поскольку на краю лежали

аккуратно сложенные постельные принадлежности. Захотелось узнать, который сейчас час и во сколько тут кормят завтраком.

Петушиный крик за окном напомнил о вчерашних приключениях. После небольшой перестрелки мы выехали из столицы, сменив машину на старую «шестерку». Несмотря на выматывающую душу тряску, автомобиль все-таки не развалился, доставив нас на базу.

Убежищем для людей с уникальными способностями оказалась деревянная избушка на сельском подворье, огороженном покосившимся забором. Почему уникамы должны скрываться от властей? Это стоило выяснить.

«Хорош тунеядствовать, господин Зайцев! – приказал я себе. – Хоть ты и числишься где-то пациентом итальянского курорта, это не повод расслабляться. Что там интересного на сегодня придумал наш бравый командир в юбке?»

Облачившись в выданный мне вчера по пути костюмчик стоимостью, скорее всего, превышающей цену домика, я подошел к окну. Стояла прекрасная майская погода: ласковое солнышко, безоблачное небо, легкий ветерок, покачивающий обсыпанные белоснежными цветами сливовые ветви. Красота! Вспомнилось лето у бабки в деревне.

– Доброе утро! – В комнату вошел незнакомый парень. – Меня зовут Володя.

– Семен. – Мы пожали руки.

Володя был чуть ниже меня, худой. Густые черные волосы, зачесанные назад, открывали высокий лоб. Узкое лицо, заостренный подбородок, впалые щеки – ему без грима можно играть узника концентрационного лагеря в фильмах про Великую Отечественную.

– Завтракать сейчас будете?

– Не откажусь.

– Тогда... это... прошу на кухню.

Глазунья из трех яиц и мед с кипятком быстро подняли настроение.

– А где остальные?

– Илья спит, он еще позже вас приехал. Сашка на огороде возится, а Рита с майором и Славкой на заброшенный хутор поехали.

– Зачем?

– Так это... там почти в лесу дом стоит. Очень удобное место, если отсюда уходить придется.

– А у тебя какой дар? – спросил я, перейдя на «ты».

Володька смутился, словно вопрос был об интимных подробностях его первого свидания.

– Я это... летать умею.

– Левитация? Вот здорово! Покажи.

Он слегка покраснел, но все же медленно поднялся к потолку.

– Класс! Мне бы так.

– Но ты же... это... твой дар – самый редкий.

– А толку? Мне от него лично никакого удовольствия. То ли дело – хоть на время почувствовать себя птицей!

Владимир неспешно опустился вниз.

– Рита говорит, ты самая большая ценность нашей группы! Поэтому они и хотели тебя забрать.

– Кто «они»?

– Мы... это... пока точно не знаем. Но люди очень опасные. Степаныч сказал – вчерашний тип двух его парней подстрелил, чуть в Илью не попал, да и мне пришлось нелегко. Я это... не только летать могу, но и по чужим мозгам врезать без рукоприкладства.

– Ментальный удар?

– Так говорит Рита, – пожал плечами парень.

– Она тебе нравится?

Давно я не видел столь резкого изменения цвета лица, только в мультике про бегемота, который боялся прививок. Володька стал пунцовым.

– А разве она может кому-то не нравиться?

– Но не до такой же степени, – быстренько решил все свести к шутке.

– Только она на меня не смотрит, – не обращая внимания на мою иронию, грустно продолжил летун. – К сожалению, с девушками у меня никогда не получалось. Стоит к любой подойти – и я двух слов связать не могу.

У меня подобных проблем не возникало никогда. Отсутствие материнской любви и заботы я, по-видимому, на уровне подсознания пытался восполнить за счет внимания со стороны женского пола. Сколько себя помню, постоянно общался с девчонками, девушками, женщинами. Им это доставляло удовольствие, мне и подавно. Правда, последствия иногда оказывались на лице, но это мелочи. Даже у самых лучших лекарств обычно имеется побочный эффект.

– А ты во время общения не пробовал забыть, что перед тобой дама?

– Как это?

– Очень просто. Она ведь тоже человек. Со всеми своими достоинствами и недостатками.

Причем последних у нее зачастую бывает гораздо больше.

– Но она ведь... это... женщина! – восторженно заявил Владимир.

М-да... давненько мне не встречался подобный экземпляр мужского пола. Последний раз, кажется, в младшей группе детского сада. Парень точно умеет летать и к нам попал с другой планеты на своих крыльях. Как бы его приземлить без повреждения оперения? А то ведь кошечки встречаются разные.

– Конечно. И ей, как и любой женщине, нужен мужчина. Которым вполне можешь оказаться именно ты.

– Я? – испугался летун.

– Конечно. Только ты сам должен быть уверен в своих намерениях. Девчонки, они сразу чувствуют – готов мужчина к решительным действиям или нет. Если нет, в девяти случаях из десяти она даже танцевать с тобой не пойдет второй раз.

– А оставшиеся десять процентов? – с надеждой в голосе произнес он.

– Выпадают на хищниц, решивших, что им уже пора замуж. Во что бы то ни стало! Если такая определит тебя в качестве потенциальной жертвы – берегись! И сам не успеешь заметить, как окажется, что, кроме нее, вокруг и нет никого, чуть зазеваешься – и ты в ЗАГСе.

– И кто тут собрался жениться? – На кухне появился еще один постоялец.

– Знакомьтесь, это Илья.

– Семен.

– Как костюмчик, не жмет?

Вошедший отличался довольно крупным телосложением. Пожалуй, если сложить нас с Володей, получится один Илья.

– Спасибо, как по мне шили.

– Ты, что ли, жениться решил?

– Не в этом году. Это я нашему летающему другу страшилки рассказываю.

– А, – махнул рукой здоровяк, – он романтик. На жизнь смотрит через розовые очки, а в девушках видит лишь возвышенное. Кстати, Семен, знаешь, что общего между женщиной и Чебурашкой?

– Нет, мне как-то не приходило в голову их сравнивать.

– Эх ты! Все просто: женщина на ощупь мягкая, любит ушами и живет обычно с каким-нибудь крокодилом.

– Вот так всегда: придет Илья и все опошлит, – вздохнул Володька. – Причем анекдот, как обычно, не первой свежести.

– Это не пошлость, а суровая действительность. И не анекдот, а, скорее, тезис, и не старый, а проверенный жизнью. Для тебя же стараюсь. А то женишься, не подумав, и будешь жить как в сказке.

– А что в этом плохого?

– Тебе охота чувствовать себя дураком и сознавать, что супруга у тебя самая что ни на есть натуральная жаба?

– Ну ты и сказку вспомнил! Других, что ли, нет?

– Есть, но заметь: почти все они заканчиваются на свадьбе главных героев. Знаешь почему?

– Конечно. Счастливый конец.

– Ответ романтика. После бракосочетания чудеса заканчиваются. Иван-царевич становится Иванушкой-дурачком, а Василиса Прекрасная – лягушкой. И это еще в лучшем случае.

Похоже, Илье в детстве сказки читали задом наперед.

– Парни, за мной. – В кухню буквально на секунду заглянул невысокий мужчина и сразу скрылся.

– Это Сашка, – пояснил Икар, подталкивая меня к выходу.

– А что случилось?

– Сейчас узнаем.

Я не успел моргнуть, как Илья исчез, а через секунду его широкая спина мелькнула уже во дворе. Александр вел нас вглубь подворья к каким-то полуразвалившимся постройкам. Пройдя через сарай, мы оказались в густом малиннике, затем по саду добрались до угла приусадебного участка. В деревянной беседке остановились.

– Сашка, что там? – спросил Илья.

– Ванька, из местных, которому я вчера телефон подарил, передал, что в деревню на трех машинах с московскими номерами въехали чужаки.

Александр на вид было под сорок. Коренастый, ростом ниже среднего, но его бицепсам я невольно позавидовал. Не иначе – спортсмен. По мне, так не совсем удобно называть Сашкой человека, старше тебя в полтора раза, но раз у них здесь так принято...

– Думаешь, по наши души? – Здоровяк вытащил из-под лавки ящик и извлек оттуда ноутбук.

– Илья у нас электронщик, – шепотом пояснил Володька. – Если нужно за кем-нибудь пошпионить – сразу обращай к нему.

Похоже, ребята даром времени не тратили. Тут же оказался приготовленный рюкзак и продолговатый вещевой мешок. Оба были наполнены чем-то тяжелым.

– Запасы на крайний случай, – пояснил Володя.

Через минуту мы смогли на экране увидеть часть улицы перед нашим забором, где как раз остановились три автомобиля. Из машин выбрались шесть человек и двинулись во двор.

«Не очкарики – и на том спасибо, – вздохнул я. – Эти светобоязливые ребята спать спокойно не дают!»

– Действуем по плану А, – произнес Александр. – Для новичков объясняю: берешь ноги в руки – и за нами. Отставать не рекомендуется.

Он закинул мешок за спину. Рюкзак, предварительно забросив в него ноутбук, взял здоровяк.

– Ты... это... держись рядом со мной, – посоветовал Владимир, взяв меня под свою опеку.

Дальняя часть приусадебного участка забором примыкала к лесополосе, вдоль границы которой протекал узкий ручеек. Прячась за деревьями, мы дернули вверх по течению и вскоре добрались до леса, где хвойными ветвями была завалена легковушка. Илья достал сотовый, связался с Маргаритой. Сказал всего два слова: «Столичные гости». Мы забрались в салон и помчались по грунтовой дороге. И пяти минут не прошло, как мотор заглох.

– Старая колымага не выдержала. Видать, не судьба нам сегодня покататься. Выходим. Спортсмен вытащил мешок из багажника, расстегнул молнию... Внутри оказался целый арсенал.

«Ну да, от армии мне откосить удалось, а тут, пожалуйста, вооружайся – и вперед. Но против кого воевать? Стрелять в мужиков, находящихся при исполнении? Это наверняка статья, по которой лет двадцать будешь отрабатывать за бесплатно, и то если тебя не уничтожат при попытке к бегству. И о том, что ты – уникал, никто и не вспомнит. Хороший уникал – мертвый уникал. Бр-р. А если они действительно, как вчера, начнут стрелять первыми?»

Парням достались стволы, отдаленно напоминавшие автомат Калашникова, только магазин был короче и шире. А мне выдали двустволку и коробку патронов.

– Там, где я отоваривался, карабинов оставалось всего три, – извинился Илья.

– Ничего, вот в нагрузку «Оса». Так что без перезарядки у него выстрелов даже больше, чем у «Сайги» будет, – успокоил Александр.

– А вы уверены, что охотничий сезон уже открылся? Если попадем на егерей...

– Понятно, что открылся, – кивнул Сашка. – Только непонятно – почему на нас? И егеря, уж поверь мне, ничем не помогут.

Он решительно свернул с дороги и углубился в лес.

– Хоть покажите, как из этого стрелять? – возмутился я.

«Осу» мне не так давно приходилось держать в руках, в институте несколько раз стрелял из «калаша» и «макарыча», а вот с охотничьим ружьем наши пути еще не пересекались. Мужик у пришлось вернуться.

– Следи внимательно, второй раз показывать не буду. – Он нажал рычаг, преломил стволы, распечатал коробку, вставил патроны и вернул оружие в исходное состояние. – Тут два спусковых крючка. Это – предохранитель. Передвигаешь сюда и стреляешь. Понял?

– Вроде бы.

Он отдал ружье, зачем-то взглянул вверх и вдруг повернул в обратную сторону от первоначального маршрута.

– Володя, что у Сашки с глазами?

– Я ничего не заметил.

– Да зрачки у него вдруг резко расширились, почти на всю радужку. У меня один раз такое было после посещения окулиста. Тот в глаза какую-то гадость закапал, и я потом пару часов плохо видел.

– Не бойся, у Александра зрение хорошее. Он... это... в тайге вырос. Белку в глаз с сотни шагов бьет.

Лес на нашем пути, к счастью, не имел буреломов и густых зарослей. Изредка мы натыкались на небольшие участки орешника, но старались обходить их стороной. Я не слишком хорошо ориентируюсь в пространстве, когда не видно названий улиц и номеров домов, поэтому просто старался держаться рядом с Володькой.

«Семен, если слышишь, позвоните мне. Я уже обращалась к Александру и Илье. Почему они не выходят на связь?»

– У тебя телефон есть? – спросил я у Владимира.

– Нет. Свой пришлось выбросить, а новым еще не разжился. Что случилось?

– Маргарита просит выйти на связь.

– Рита? Тогда... это... давай наших догоним.

Атлеты мчались с такой скоростью, что мы едва поспевали следом. Они уже вырвались метров на сорок – пятьдесят вперед. От стремительного марш-броска в голове появилась предательская тяжесть, дыхание сбилось окончательно, а ноги в икрах начало покалывать. Но делать нечего, пришлось ускоряться.

На поляну мы выбежали с Володькой почти одновременно. Причем он буквально вылетел головой вперед, зацепившись за что-то ногой. Тотчас прозвучал оглушительный выстрел, следом второй.

– Брось оружие! – раздался голос сибиряка.

Я оглянулся. Стрелял Илья, из ствола его карабина струился дымок. Судя по всему, метил в моего напарника. И глаза у электронщика сейчас ничуть не отличались от Сашкиных.

– Мужики, нашли время шутить!

Володька лежал у моих ног. В высокой траве видеть его не могли. Я легонько наступил ему на руку, давая понять, что подниматься не стоит. Икар жест понял правильно.

– Брось, я сказал. Убить не убью, но покалечу. Считаю до трех. Если не выполнишь приказ... Один, два...

Пришлось избавиться от ружья, откинув его подальше от себя.

– Ты попал? – Александр повернулся к Илье.

– Наверное, – пожал тот плечами.

– Проверь, нам лишние неприятности ни к чему.

Я не мог понять, что происходит, с трудом узнавая лишенные эмоциональной окраски голоса ребят. Манера их речи стала совершенно чужой, а лица – какими-то отрешенными.

Илья направился ко мне. Сашка продолжал стоять на месте, опустив карабин. Похоже, он забыл, что кроме двустволки сам дал мне второе оружие. «Оса» покоилась на дне бокового кармана, но до нее еще нужно было добраться.

– Ребята, вы чего, по голове захотели? – вспомнив про ментальный удар, я попытался намекнуть о нем прятавшемся в густой растительности специалисту.

– Закрой рот! – резко оборвал Александр.

Володька понял мой намек, но жестом обозначил, что сумеет справиться лишь с одним. Глазами я указал на Илью. Тот вскоре мог обнаружить, что промазал.

«А ведь Сашка не видит моих рук!» – дошло до меня.

Трава метровой высоты позволила медленно вытащить пистолет.

– Действуй! – крикнул я и выстрелил.

Повезло – попал с третьего раза, хотя до цели было не меньше восьми метров. Володька «скрутил» Илью в один миг.

– Бежим! – крикнул я.

– А как же... это... ребята? – поднялся романтик.

– Которые тебя чуть не прихлопнули?

– Это были не они.

– И где гарантия?

«Твою ж боязнь и мать ее предательство на свалку людских отношений», – ругаясь про себя на чем свет стоит, повернул назад. Побег пришлось отложить до худших времен. Подняв двустволку, осторожно добрался до края поляны.

– Что тут происходит? – Сибиряк, сидя, тряс головой, словно тараканов пытался из ушей выгнать.

– Глянь на меня.

– Ты чего, сбрендил? – опешил он, попав под прицел.

– С возвращением! – Я опустил ружье, заметив, что его глаза вернулись к прежнему состоянию. – Вы с Ильей нас едва не угробили. Что на вас нашло?

– Где мы? Я помню, что показывал, как заряжать двустволку. Потом – жуткая боль в груди и ты с ружьем.

– Набери номер Маргариты, она просила позвонить.

Он нажал кнопки и передал мне телефон. Похоже, до сих пор так и не смог прийти в себя.

– Где вы? – раздался в трубке взволнованный голос.

– В лесу за деревней. У Ильи и Александра случилось буйное помешательство. Сашка не может вспомнить последнюю четверть часа. Мужики стали словно зомби, чуть Володьку не пристрелили.

– Кувырком вас через коромысло! – В трубке зазвучал голос Степаныча. – Через лес вел Иноземцев?

Я не знал фамилии ни одного из них, но голос майора был слышен очень хорошо.

– Да, я, – ответил Сашка.

– Давайте деру оттуда. Немедленно!

Связь прервалась.

– Майор сказал, уходить отсюда надо.

– Оно понятно, – кивнул сибиряк. – Как Илья?

В это время Володька привел второго пострадавшего.

– Голова моя, головушка... Мне по мозгам так настучали, что они наружу просятся, – стонал тот.

– По-моему, это... сюда кто-то направляется. Слышите? – Романтик первым обратил внимание на гул мотора.

– Ни фиги себе! – Здоровяк толкнул Володьку и сам присел на землю. – Где они их столько набрали?

– Кого? – спросили мы с Александром в унисон.

Вместо ответа раздался усиленный мегафоном голос.

– Семен Зайцев, Илья Грунев, Владимир Бобрин и Александр Иноземцев! Предлагаем поднять руки и выйти на поляну. В случае неповиновения будем вынуждены открыть огонь на поражение.

– Там, на поляне, очкариков штук сто собралось, – прошептал электронщик.

– Видать, не судьба нам уйти по-тихому. – Александр снял мешок с плеча.

– Ого! Что значит – на поражение? А если я не хочу? Кто за то, чтобы сдаться? – Лезть под пули не имелось ни малейшего желания.

– Нас они все равно убьют, – возразил Володька. – Илья, находясь под гипнозом, в меня стрелял. Живым они хотели взять только Семена.

Мы застыли на корточках, опасаясь приподняться. Пока высокая трава не позволяла нас видеть.

– Ты им, наверное, для опытов нужен, – «подбодрил» радиотехник и повернулся к лесу. Вдруг он резко изменился в лице. – Сволочи! – крикнул Илья и выстрелил.

Не знаю, как его угораздило промахнуться, но, пальнув три раза, он не попал в мишени с расстояния чуть больше полусотни шагов. Остальные ребята тоже за несколько секунд растратили заряды своих стволов с нулевым результатом. Ладно другие, но как же сибиряк, который белку в глаз?..

Двое мужиков, обойдя нас сзади, только теперь решили прибегнуть к оружию. Снова под прицел, как мне показалось, попал Володька. Желание сдаваться мгновенно улетучилось...

Я как-то сразу забыл, что по жизни миролюбив и неконфликтен, – два выстрела практически слились в один. Хорошо, что сзади находился ствол дерева, иначе бы меня опрокинуло на спину.

– Не подскажешь, где так стрелять учат? И что у тебя за патроны?

Вы бы видели взгляды моих спутников! Мне кажется, превратись я на их глазах в обнаженную красавицу, удивления было бы меньше.

– А чего такого? Два заряда – две цели. Ну попал случайно, с кем не бывает?

– Да их же... это... с полсотни было. И все рухнули, – пробормотал бледный Володька.

– А я видел только двоих, – честно сознался я.

Парни переглянулись.

– Все ясно. Надо уходить, – произнес Сашка. – Похоже, эти гады продолжают нам мозги пудрить.

Он вытащил из опустевшего мешка две дымовые шашки и бросил на поляну.

Мы снова побежали. Не знаю, сколько времени длился второй марш-бросок, но команда на привал прозвучала, наверное, за секунду до того, как я бы и сам свалился.

– Семен, а теперь расскажи, что случилось со мной и Ильей? – навис надо мной сибиряк.

– А... э...

Как же мне захотелось послать этого практически не запыхавшегося мужика, но сил не было: ручьем тек пот, легкие разрывались от перенапряжения, а в горле пересохло, будто в нем промчался суховей. И тут весьма кстати бывший зомби с расспросами.

– Ладно, подойду через пять минут. – Он махнул рукой.

Грунев и Бобрин если и выглядели лучше меня, то ненамного. Илья сидел, опершись о ствол дерева, а Володька валялся рядом со мной, раскинув руки в стороны.

Иноземцев достал телефон и отошел в сторонку.

– Радуйтесь, славяне. Степаныч скоро подъедет, – сообщил он через минуту.

– Ура! – прохрипел я.

– Нам осталось пробежать до проселочной дороги всего три-четыре километра.

– Лучше убейте меня здесь. – Я почти не шутил.

– Нельзя, Семен. Нам ребята в черных очках твою смерть не простят. Так что поднимайся. – Сашка протянул мне руку.

– Откуда ты знаешь, где нас будет ждать Степаныч? Где мы вообще находимся?! – Вставать не было ни желания, ни сил, и я малодушно искал любые причины, лишь бы от меня отстали.

– Ты про джи-пи-эс слышал?

– Который на машины ставят?

– И на телефоны тоже. Вставай, вставай. Бежать не будем, а по пути ты должен рассказать, как мы чуть Володьку не пристрелили.

С дыханием наконец удалось справиться, и я выложил Сашке все, что он хотел услышать.

– Когда я уже собрался дать деру, Бобрин сказал, что друзей бросать нельзя, так что мне пришлось взять ружье и поинтересоваться, насколько друг Иноземцев горит желанием пристрелить друга Зайцева. Так что тебе повезло, что твои зрачки к этому времени успели вернуться в норму.

– Но почему гипноз подействовал только на нас с Ильей?

– Хороший вопрос, правда, не ко мне. Кстати, и вчера ночью, когда один из очкастых нанес ментальный удар по Маргарите и Степанычу, они аж взвыли от боли, а мне – хоть бы что.

– То ли тебя берегут, то ли твоя черепушка чужого влияния не пропускает, – выдал предположение электронщик. – Защита у Зайчика оказалась крепкой, как панцирь черепахи. Маргарита говорила, что дар, полученный от синего камня, многогранен. Володька, к примеру, уже две новые способности в себе открыл. Может, твоя защита – одна из них?

– Думаю, ты прав. Когда эти гады иллюзию на нас выпустили, только Семен на нее не повелся. Что там в стволах было? – Александр попросил дать ему ружье. – Дробь семерка. – Он выбросил пустые гильзы.

– И что это значит?

– Думаю, тех двоих мы еще увидим. А жаль. Надо было другие зарядить, с картечью. Хотя, – охотник задумался, – дробью легче угодить в цель. Пожалуй, все, что ни делается, к лучшему.

– Главное, чтобы это «лучшее» нас в могилу не загнало, – «оптимистично» подытожил Илья.

Глава 5

Целитель?

Судя по запустению, царившему внутри дома, хутор был заброшен давно. Запах плесени чувствовался даже при открытых настежь дверях и окнах, и это в сухую майскую погоду. Представляю, что тут творилось в пасмурный осенний день. Остаться в избушке не хотелось никому. Даже Александр поморщился при виде кинувшихся врассыпную мышей. Видимо, из-за них Маргарита вообще не стала входить внутрь.

– Стекла целы, бревна в труху еще не превратились, так что немного прибраться – и жить можно, – подвел итог осмотра майор. – Надеюсь, здесь нас отыщут не так оперативно, как в деревне.

– А почему там быстро нашли? – спросил Илья. – Об этом доме никто не знал.

– Думаю, ту деревеньку они обнаружили не вчера. Прошлись по твоим приятелям, ты же среди нас единственный москвич, знающий окрестности. Кстати, откуда сам узнал о пустующем доме?

– Мы пару раз в нем останавливались, когда на рыбалку с ночевкой ездили, – в трех километрах от деревни есть большое озеро. Но последний раз это было два года назад. Я очень сомневался, что домик до сих пор не снесли или не заняли.

– Понятно, – тяжело вздохнул Степаных. – Видать, они добрались до твоих друзей. Время было.

– Мужики, мне кто-нибудь скажет, кто такие эти они? – не выдержал я. – ФСБ, ОМОН или вообще какая-нибудь тайная разведка?

– Пойдем во двор, спросим у девушки, – предложил служивый.

Увы, Маргарита имела очень скудные сведения об очкастых незнакомцах, однако и их хватило, чтобы серьезно испортить мне настроение. Оказывается, они наследили не только в Греции. В Великобритании накануне эксперимента с синим камнем было совершено два похищения и одно убийство, жертвами которых стали лица с наивысшими показателями для контакта с шестигранной посылкой. И в протоколах опроса свидетелей не раз фигурировали типы в зеркальных очках.

«Странно, а ведь об Англии в журнале вообще ничего не было сказано, да и Алексей Степанович не упоминал туманный Альбион», – припомнил я.

– Рита, и что, во всех странах участники эксперимента вынуждены скрываться?

– Только те, кто имеет такую возможность, – ответила она.

– Это как?

– В Лондоне после контакта с камнем выжили всего двое: телепат и мой коллега, но им сложно вырваться из охраняемой зоны. Был бы у них такой человек, как Илья... – Девушка отыскала взглядом здоровяка. – Обе женщины находятся под неусыпным контролем. Полная изоляция от общества плюс постоянные обследования.

– Об убийстве и похищениях ты узнала от них?

– Да, женщинам специально рассказали о несчастьях, чтобы иметь веский повод для усиления их охраны.

– Может, и нам сдаться, пока не поздно?

– Семен, кувыркком тебя через коромысло, ты ж вроде на труса не похож, насколько я успел тебя узнать, – усмехнулся майор.

– Степаных, сегодня я впервые стрелял в человека!

– А вчера?

– В лобовое стекло машины.

– Главное, что не промахнулся, ешь твою медь.

– Я не убийца. А сегодня чуть не отправил двоих на тот свет.

– На моем счету около полусотни моджахедов, но я себя убийцей не считаю. Когда стреляют в тебя, ты должен отвечать. В противном случае погибнешь сам или твои друзья. Чего уставился? Думаешь, я не прав?

– Мы что – группа боевиков, призванная спасти мир, попутно уничтожая всех, кто будет нам мешать в этом благородном деле? Тогда сразу вычеркивайте меня из списка. Я не из тех, кто готов нести доброе и вечное, шагая по трупам. Уж лучше за решетку или в ссылку, причем желательно на какой-нибудь остров в теплом океане. И пусть меня в отеле со всеми удобствами охраняют тайные агенты.

– Пойми, парень: те, кто на нас охотится, наверняка имеют своих людей в самых секретных органах. Они и на острове до тебя доберутся.

– Только не надо сгущать краски, товарищ майор. Не может быть все настолько плохо.

– Ты прав, не может. Потому что все гораздо хуже. – Степаныч прямо-таки излучал оптимизм. – Как ты объяснишь осведомленность вчерашнего визитера? Он ведь точно знал, где находятся охранники, где комната наблюдения. Да и сегодняшний инцидент. Заметь: твари точно рассчитали, когда в деревню прибудет группа на трех авто. Вычислили, где спрятана наша машина. Позаботились, чтобы она заглохла в нужном им месте... Я вообще думаю, что приказ прибывшим в деревню бойцам был отдан кем-то из очкариков. А сами они, как только поняли, что ты находишься в деревне, быстро развернули операцию захвата.

– Могли бы и быстрее. Ночь ведь прошла, – вмешался в разговор Илья.

– Эх, молодежь! Скоро лишь кошки родятся, а неприятелю после неудачи в гостинице нужно было новый план сострять, подключить свои каналы в органах, людей собрать...

– Зачем им столько народу? – не удержался я от вопроса. – Илья говорит, что их около сотни на поляну выскочило.

– Ты их сам видел?

– Нет.

– Ну да, а со стороны леса (по мнению того же Грунева) напало пятьдесят бандитов, которых господин Зайцев положил двумя выстрелами.

– Значит, на поляне было всего четыре человека? – быстро разобрался я с пропорциями.

– Вот именно! А нас в группе семеро, к тому же поднимать переполох в деревне им явно не на руку.

– Все равно ничего не понимаю. Если нападавшим запросто влезть в башку любому из нас, то какие у них вообще проблемы? Тот же Иноземцев по-тихому убивает всех поодиночке, хватает, кого нужно, и выносит очкарикам в упакованном виде.

– Оно, конечно, понятно, – протяжно произнес Сашка, – было бы все просто, думаю, они бы так и действовали. Но, видать, не судьба. Полагаю, очкарики не все знают о нас, а мы – о них. На тебя вот, к примеру, их фокусы не действуют. Володьку тоже подчинить не удалось...

– Вполне возможно, Маргарита и мы со Славкой им тоже не по зубам, хотя по мозгам нам вчера хорошо резали. – Майор почесал затылок.

На несколько минут воцарилась тишина.

– И что дальше делать будем? – раздался незнакомый мне голос.

– Это Вячеслав, – сообщил Володька. – Телепат, как и Степаныч. Только неразговорчивый, потому что сильно страдает от аллергии на пух.

– Семен, – кивнул я белокрысому пареньку.

Он, скорее всего, был ровесником Риты, хотя выглядел как подросток. Годков я ему накинул, лишь следуя соображению, что несовершеннолетних к эксперименту вряд ли бы допустили без согласия родителей, а какая, извините, мать отдаст своего ребенка на растерзание булыжнику? Паренек держался чуть в стороне и постоянно подносил к лицу носовой платок.

– Давайте сядем, – предложила Маргарита, направляясь к дубовому столу, вкопанному посреди небольшого дворика.

– Сесть – дело нехитрое, особенно за решетку. Выбраться оттуда потом сложно будет, – ядовито заметил Грунев.

– Хорошо, присядем, – исправилась девушка. Когда все заняли места, она продолжила: – Надо обдумать, что мы имеем и что следует предпринять в первую очередь. Степаныч, ты, как самый старший из присутствующих, начинай. Твои соображения.

Майор хотел было подняться, потом оглядел компанию и махнул рукой:

– А чего тут особо соображать? Если за нас возьмутся серьезно, шансов спрятаться нет никаких и тут уж лучше самим пойти к властям. Но в этом случае нам никак нельзя ошибиться. Попадем к тем, на кого имеют влияние очкарики, – считай, пропало. Для них все, кроме Семена, – расходный материал. Для чего ты нужен, пока неизвестно, хотя, думаю, все дело в даре. Если Зайцев сумел вытащить из могилы меня, вполне возможно, кому-то еще захотелось свое здоровье поправить. Попросить стесняются, кувырком их через коромысло, потому и пытаются заполучить силой.

«Не прав ты, майор... Если бы все обстояло так, то зачем эти сволочи выходили на меня еще до эксперимента?» – подумал я.

– А почему раньше об этом молчал? – служивый посмотрел в мою сторону.

Опять он влез в мою башку, чтоб ему не болеть до самой старости!

– А меня никто не спрашивал!

– Эй, друзья, о чем междусобойчик? – поинтересовалась Маргарита. – Тут не все умеют мысли читать.

– Семен, расскажи.

– Да что тут рассказывать? Буквально за день до того, как меня забрали на встречу с синим камушком, выхожу из подъезда на работу. Подкатывает один пижон в зеркальных очках и спрашивает, не я ли господин Зайцев? Я ему – тут таких не живет, но он, видимо, по жизни недоверчивый.

– А у соседей спросить? – перебил Илья.

– Я не сказал, что выходил из своего дома.

– Как же он тогда тебя нашел? – Грунев не унимался.

– А я на двери своей квартиры всегда записку оставляю: «Ночую у любовницы, адрес такой-то, до семи утра не беспокоить»! – После утренней перестрелки особой дружбы с нервами у меня не получалось. – Ты дашь договорить?!

– Молчу, – поднял руки здоровяк.

– В общем, в тот день у меня было еще две стычки с рукоприкладством, в обеих обошлось без очкарика. Причем во второй раз он даже стрелял. К счастью, паралитическими зарядами.

– Выходит, это... тебя тоже пытались похитить? Прямо как в Англии? – заговорил Володька.

– Наверное.

– Опасный ты человек, Зайцев! – усмехнулся Илья. – Свора очкастых прямо с ног сбилась, пытаясь схватить Зайчика за уши. Может, мы его спрячем до лучших времен? Саш, у тебя там, в тайге, укромных мест много?

– Одного муравья проще всего прятать в муравейнике, – заметил Иноземцев. – Там его попробуй отыщи.

– Мужчины, по-моему, вместо обсуждения балаган начинается. Владимир Степанович, продолжай.

– Идея прятаться в Москве неплохая, ешь ее медь. Но сначала нужно выйти на надежных ребят, которых наши доблестные органы не смогли бы связать ни с одним из присутствующих.

– Я тоже так думаю. И для этого понадобятся твои способности, Семен, – кивнула Маргарита. – Если удастся перетянуть на свою сторону кого-нибудь из высокопоставленных чиновников, то...

– Риточка, что ты такое говоришь? Да любой из чинуш продаст нас с потрохами, как только определится с наиболее приемлемой для себя ценой, – продолжал гнуть свою линию Илья.

– Маргарита Викторовна права, – поднялся Володька. – Заручиться поддержкой сверху необходимо, но... это... человек должен быть надежный, как сказал товарищ майор.

– Владимир Степанович, так вы же, насколько я понял, являетесь сотрудником тех самых секретных органов. Наверняка всех там знаете, – неожиданно пришла в голову мысль.

– Знаешь, как говорят: является только черт во сне. А на этой службе я всего неделю. Со мной вообще интересная история случилась. Пять дней назад приходит начальник и заявляет: Кошевар, тут предлагают интересную работенку, почти по твоему профилю. Согласишься – вопрос о твоей пенсии снимается. Я, естественно, дал согласие – уж больно на покой отправляться не хотелось. И на второй день новой службы на тебя попал. Видать, решили все свои огрехи списать на новичка. Так что на том поле я не игрок...

– Очень жаль.

– Тогда давайте вместе подумаем, к кому лучше всего обратиться? – снова предложила Маргарита.

– А чего мелочиться? Лучше всего сразу к президенту. Представляете, появляюсь я в Кремле, подхожу к Дмитрию Анатольевичу и говорю...

– Попридержи коней воображения. Тебя дальше первой приемной последнего помощника четырнадцатого заместителя седьмого советника и на порог не пустят, – остановил Грунева Степаныч. – Или пристрелят на подходе к главе государства, если вздумаешь своим даром воспользоваться. У тебя ж на лице не написано, что ты с добрыми намерениями. А хотя бы и было написано. Охранникам платят не за чтение.

– Ну ты и разошелся, майор! Уже и помечтать нельзя!

– Минутку, – не удержался я. – Рита тут говорила о моих способностях. Хотелось бы прояснить, как вы собираетесь их использовать? Чисто из любопытства.

– Очень просто, – улыбнулась девушка. – Ты будешь колдовать над нужными людьми, привлекая их на нашу сторону. Чем больше у нас появится сторонников, тем выше шансы, во-первых, уцелеть, во-вторых, уйти от той пропасти, куда скатывается человечество.

– И как ты собираешься отодвигать все человечество от пропасти? Грейдером?

Люблю красивых девушек и обычно стараюсь не ставить их в неловкое положение, но сейчас не мог промолчать, поскольку считаю, если человек взялся руководить людьми, то должен четко представлять цель, к которой их ведет, и методы ее достижения. Маргарита, по моему, не имела представления ни о первом, ни о втором.

– Уже сказала, – нахмурилась она. – Еще раз повторить?

– Пока я слышал только о твоих планах относительно меня, но совершенно не уверен, что это хоть чем-то поможет человечеству. Может, ограничимся первой задачей – уцелеть самим?

– Сидеть в норе и дрожать по каждому поводу? Ты же первый не выдержишь. Как сможешь обходиться без ночных походов к любовницам? Как будешь жить, сознавая, что мог что-то сделать и не сделал? Это же психология скучного обывателя. Неужели она тебя устраивает?

Вот это она зря сказала. Не в том я пребывал настроении, чтобы выслушивать нравоучения даже от обворожительной дамочки.

– Да, устраивает! Устраивает голубое небо над головой, зеленая трава под ногами, уступчивость красивых девушек сладким речам и собственное здоровье, которое позволяет доставлять им удовольствие. Единственное, что меня угнетает в этой жизни, – это неизвестность.

Неизвестность о судьбе отца, который однажды ушел на работу и не вернулся. Неизвестность о нашей затее, поскольку она может дать совершенно непредсказуемый результат. Ты не боишься своими действиями вместо спасения обречь людей на гибель? Не остановить их у края пропасти, а подтолкнуть к ней?

– В отличие от тебя, нет. Я верю тому, кто дал нам новый толчок в развитии. Теперь мы должны помочь другим. Как можно не понимать, что люди должны совершенствовать себя, а не машины?

– Согласен, но все должно идти естественным путем. Любое привнесение извне не всегда на пользу.

– Эй, молодые люди! Давайте перенесем ваш диспут на другое время, – не выдержал майор. – В одном я полностью согласен с Семеном. Сначала нужно решить более приближенную задачу, кувырком ее через коромысло. Ведь для того, чтобы кого-то спасти, нужно сначала самим уцелеть.

– Раз он такой умный, пусть предложит что-нибудь дельное, – надула губки Маргарита.

– Ладно, прения о возвышенном закончены, – не дал мне достойно ответить Степаныч, – вернемся к нашим баранам. Есть у меня один знакомый генерал-лейтенант. В госпитале пару раз встречались, последний раз – прошлым летом. Выглядел он тогда совсем плохо, но мужик правильный и при хорошей должности был. Если Семен его подлечит, думаю, мы сможем рассчитывать на его содействие. Михаил Федорович хоть и на пенсии, но связи должны остаться.

– А вас не будут караулить возле его дома? – решил подстраховаться я.

– Вряд ли. Случайных встреч за всю жизнь у меня было не счесть. Если все отслеживать... Нет, проработка контактов будет производиться лишь среди близких знакомых.

– Хорошо, – поднялась девушка. – Когда поедем? – Она с вызовом посмотрела на меня.

– Можно не сегодня?

– Нельзя.

– Ну хотя бы после обеда.

– Ладно, – смиловилась Маргарита. – Едем вчетвером: Владимир, Семен, Степаныч и я. Остальным попробовать навести здесь порядок.

– Слушаюсь, товарищ командир, – подскочил Илья. – А как у нас с обедом?

Приготовлением пищи, точнее, вскрытием консервных банок и вакуумных упаковок занялись Александр и Володька. Илья решил организовать костер, собираясь поджарить сосиски, а ко мне подошел Вячеслав.

– Семен, а вы правда целитель?

«Целитель? Надо же! А я себя к обычным реставраторам лепестков причислял».

– Точно сказать не могу. А что ты хотел?

– Да я не от цветов, а от майского пуха каждую весну с ума схожу. – Паренек, видимо, зацепился за мою мысль о лепестках. – И никто из врачей помочь не в силах.

– В доме зеркало есть?

– На втором этаже.

– Пойдем посмотрим.

Комнаты второго этажа выглядели гораздо лучше. В них практически не ощущалось запаха плесени, не бродили грызуны и штукатурка потолка не имела столько трещин. Зеркало было очень старым. Оно стояло на массивном комоде, опираясь верхней кромкой о стену.

– Садись. – Я установил стул напротив древней мебели.

Прозрачный диск, голубые, как и у Степаныча, лепестки, только в виде сердечек. Без особых повреждений, но с небольшими мутными пятнышками. И... полное отсутствие реакции в ладонях. С девушкой и майором я ощущал покалывание. А теперь?

– Что там у меня? – спросил юноша, заметив растерянность на моем лице.

– Понятия не имею.

Постарался коснуться его лепестков. Я их видел, но воздействовать... Странно. Почему ладони сегодня не хотят работать?

– Слава, мои способности на тебя не действуют. И я не знаю почему. Может, сегодняшняя перестрелка виновата?

– А завтра?

– Не уверен. Слушай, позови-ка сюда Сашку, Илью и Володьку. – Я решил проверить одну догадку.

И Иноземцев, и Грунев также оказались невосприимчивы к моему дару, зато Володькино отражение тут же отозвалось в ладонях покалыванием. У парня был слегка поврежден один из лепестков. На его починку ушло немного энергии, и я почти не испытывал усталости после сеанса.

– Странно. – Случай заставил задуматься.

– Выходит, моя аллергия неизлечима. – Слава уже прочитал мои мысли.

– Пока это действительно не в моих силах.

За обедом я помирился с Маргаритой, а заодно поделился сомнениями по поводу предстоящей поездки:

– Что будет, если с генералом ничего не получится?

– Должно получиться, Семен. Надо только верить в себя и помнить – мы на тебя очень надеемся. – Она одарила таким взглядом, что я на несколько секунд забыл о том, что мы не одни.

– Зайцев, не стоит рисовать в сознании такие откровенные картинки! – охладил мой пыл майор.

Румянец на щеках Славика дал понять, что в моей голове копаются сразу двое. Что за жизнь? Ну есть у меня такая склонность – раздевать девушек взглядом. И что, теперь навсегда отказаться от своих привычек?!

– Я к Михаилу Федоровичу, – отметился Степаныч на пропускном пункте дачного поселка. – Доложите, что прибыл майор Кошевар. Со мной трое друзей.

Через минуту из будки вышел дежурный.

– Как добраться к дому генерала, знаете?

– Нет.

Охранник обрисовал путь, и мы поехали.

– Давайте не будем ничего обещать, пока я не увижу хозяина в зеркале, – попросил я.

– Ладно, сориентируемся по обстановке. Тот факт, что нас пустили, уже большая удача. Генерал мог и не вспомнить обычного майора, с которым встречался всего два раза.

Аккуратный двухэтажный домик на фоне дворцов, которые мы проехали, смотрелся скромненько, но охрана была и здесь. Из ворот выскочил мужичок лет пятидесяти.

– Майор Кошевар?

– Я.

– Ваши документы, пожалуйста.

Степаныч предъявил военный билет.

– Проезжайте. – Мужик махнул рукой, и стальные ворота медленно поползли в стороны, открывая въезд.

– Чем обязан, товарищи? – спросил хозяин дома после того, как мы расселись в просторной гостиной.

Генерал мне чем-то напомнил артиста Василия Ланового. Худой, высокий, с вдумчивыми грустными глазами.

– Михаил Федорович, – начал майор, – мы пришли к вам с очень большой проблемой. Для того чтобы объяснить, почему именно к вам, нужно рассказать предысторию вопроса. У вас есть время?

– С некоторых пор свободного времени у меня много, – невесело усмехнулся мужчина. – Предлагаю побеседовать за чашкой чая.

В комнату вошла женщина лет шестидесяти с самоваром. Она же чуть позже принесла чайные приборы.

В гостиной не было недостатка в зеркалах, поэтому я сразу занял место, чтобы видеть отражение Михаила Федоровича. К моему большому сожалению, отзвука в ладонях его цветок не вызвал, о чем я мысленно сообщил Степанычу. Он продолжал рассказывать об эксперименте с синим камнем. Всю информацию майор излагал в сжатом виде и уложился в четверть часа. Когда он закончил, хозяин дома задумался. Генерал по очереди осмотрел каждого из нас, затем снова перевел взгляд на сидящего рядом рассказчика.

– И вы хотите, чтобы я во все это поверил? Я, конечно, в отставке, но из ума еще не выжил. Не ожидал от тебя, майор.

– Мои слова несложно проверить. Володя, покажи свои способности.

Бобрин медленно взмыл к потолку и так же неспешно опустился.

– Как телепат, могу слово в слово записать ваше мысленное высказывание по поводу увиденного. Проще, конечно, озвучить, но рядом девушка.

Обо мне Владимир Степанович ничего не рассказал.

– Прямо как в цирке. – Мужчина выглядел несколько обескураженным. Похоже, сейчас он не верил не только майору, но и своим глазам. – А у девушки какой дар?

– Любому из нас она может беззвучно послать сообщение.

– Но ты, если я правильно понимаю смысл слова «телепат», и так читаешь мысли?

– Семен и Владимир этого не умеют, однако Маргариту слышат. Причем на очень большом расстоянии.

– Деда, привет! Я из школы пришла. – В гостиную вбежала девчушка лет тринадцати. – Ой! – Она заметила нас и остановилась около входа.

Сначала я не понял, что происходит: тысячи иголок впились в ладони с такой силой, что я едва не закричал. И лишь затем сообразил: в одном из зеркал отражался цветок вошедшей. Малиновый, как у Риты, и растерзанный, как еще вчера у майора.

– Привет, Наташа. Переоденься и приходи пить чай.

Она кивнула и вышла из комнаты.

– Молодой человек, вам плохо? – Генерал, видимо, обратил внимание на мою реакцию.

– Михаил Федорович, что с внучкой? – вопрос сорвался с губ, как только девочка скрылась за дверью.

– Кто вам сказал?! – Лицо добродушного хозяина моментально преобразилось, пылая негодованием. – Откуда узнали?! – Он вскочил, перевел гневный взгляд на майора: – Вздумали сыграть на человеческом горе? Забирай свою свору и вон из моего дома. Негодяи!

Подобного всплеска эмоций я не ожидал. Мы все тоже встали.

– Минуту, – повысил голос Степаныч. – Семен, что ты увидел?

– Ситуация один в один, как у вас тогда в гостинице. Ее спасти надо!

Майору было легче других меня понять, поскольку недосказанное он мог прочесть в мыслях.

– Ты сможешь?

– Да.

– Генерал, я еще не рассказал вам о даре этого молодого человека. Он целитель.

– Кто?! – Слова Кошевара лишь подлили масла в огонь. – Убирайтесь, я сказал!

– Вы помните, как я выглядел в прошлом году?

Владимир Степанович положил руку на плечо генерала. Тот немного растерялся.

– Помню. Думал, что мы ровесники.

– А теперь?

– Майор, я что, на допросе?!

– Нет, просто если бы не этот парень, мне бы осталось жить несколько месяцев. И врачи ничего не обещали.

– Ты мне раньше этого не говорил.

– Вы же не врач.

– А он? – Генерал кивнул в мою сторону.

– Он – целитель. Настоящий. Только вот дар Семена не каждому помочь способен. Честно говоря, сюда мы ехали в надежде, что сможем подлечить вас, как бы в доказательство своих слов. Но ваши болячки выше его сил.

– погоди, ты хочешь сказать, он может вылечить мою внучку прямо сейчас?! Да я уже к кому только не ходил: и к травникам, и к бабкам, даже к потомственным целителям, чтоб им пусто было! Ничего не помогло. Ее целый институт обследовал. Знаешь, что мне сказали? Шок, вызванный гибелью родителей, совпал с началом перестройки девичьего организма. Психологическая травма сместила какие-то акценты и вместо развития и роста запустила механизм разрушения. Врачи утверждают, что ее организм сам себя уничтожает. И они не могут остановить этот процесс, только затормозить. Месяц она на уколах, потом недели три живет без боли, как сейчас. Затем все повторяется снова. Да я готов за любую соломинку ухватиться, лишь бы она жила. Он точно может ее спасти?

Этот сильный человек сейчас умоляюще смотрел на меня.

– Должно получиться, – кивнул я.

– Что для этого нужно?! Любые лекарства, оборудование...

– Нужно лишь зеркало. И чтобы никто не мешал.

– Я могу присутствовать? – снова обратился генерал.

– Обязательно. Процесс очень болезненный, надо будет поддержать девочку.

– Идем.

Вблизи ее цветок выглядел еще ужаснее, словно рядом взорвалась осколочная граната и лепестки изодрало в клочья. Целым не остался ни один.

Не знаю, какие ощущения испытывает грешник в аду, но мои были немногим лучше. Отдельные участки лепестков приходилось восстанавливать по крошечным уцелевшим частям других. И все это с не отпускавшей ни на миг болью, которая, казалось, перетекала от девушки ко мне. Я чувствовал боль каждой клеткой своего организма, видел измученное страданием лицо Наташи и латал дыры в малиновой ткани ее цветка.

– У вас есть наштабь? – спросил я генерала через полтора часа работы.

– Найдем.

– Быстрее, пожалуйста.

Он тут же вышел за дверь.

– Ты как? Держишься? – обратился к девочке.

– Очень больно, но я не хочу пугать дедушку. Он страшно за меня переживает.

– Умница. Но учти, мы только на полпути. Чтобы боль была не столь сильной, нужно вспомнить что-либо светлое из прошлой жизни. Сумеешь?

– Попробую.

– Вот наштабь. Наташа, ты как себя чувствуешь?

– Наштабь не ей, а мне, – пробормотал я.

– Семен, да на тебе же лица нет. – Михаил Федорович только сейчас взглянул на меня, во время сеанса он смотрел лишь на внучку.

– Лицо в этом деле не главное. Не свалиться бы до конца процедуры.

Резкий запах прогнал дурноту, но ненадолго. Закончив пятый лепесток, я понял, что не могу унять дрожь в коленях. Лицо превратилось в кусок мела, на котором абсолютно не выделялись губы. Генерал уже просто держал пузырек с нашатырем возле моего носа, и аромат остро пахнущей жидкости больше не казался отталкивающим.

– Только не вздумайте мне врача вызывать, если вдруг чего. Сам отлежусь, и все будет в порядке, – прошептал я, пока еще имел силы ворочать языком.

Работа над последним лепестком происходила в тумане. Я слышал голос, но не разбирал слова, замечал расплывчатые силуэты, но не мог сфокусировать на них зрение. Только цветок и ладони виднелись отчетливо, остальное перестало для меня существовать.

«Неужели закончил?!»

– Все, – выдавил я, поднял руки, как хирург, и провалился в бездонную темноту.

Другой бы на моем месте, наверное, возненавидел эти полупрозрачные цветы: ведь соприкосновение с ними приносило боль и страдания. Но вид лепестков на фоне звездного неба вносил в душу величайшее умиротворение. В реальной жизни они буквально высасывали из меня энергию, но в сновидениях – наоборот. Глядя на плывущие мимо бутоны, я ощущал прилив сил, чувствовал себя одним из них. Хоровод из хрустальных цветов оказывал завораживающее действие. Однако вскоре картинка поменялась: остался лишь один, окруженный малиновыми лепестками, и... опять появилась плита из прошлого сна. Луч из ее основания осветил хрустальное растение, а оно, в свою очередь, отразило часть энергии обратно. По крайней мере, мне так показалось. В конце концов, это ведь мой сон? Так что сияющие частицы, выстроившиеся по спирали от цветка к шестиграннику, вполне могли оказаться энергетическими зарядами. Они постепенно разрушили покрытие одной из боковых граней плиты, точнее, убрали с нее серый налет, под которым скрывался ярко-синий окрас. Теперь две боковые стороны плиты обрели яркий наряд. И что это могло означать?

– Семен, ты завтракать будешь? – донесся откуда-то из глубины Володькин голос.

Я открыл глаза:

– Неужели ужин пропустил?

– Два.

– Чего два?

– Два ужина, один обед и один завтрак, – сообщил Бобрин. – Мы решили тебя не будить, вот ты больше суток и проспал.

– Как девочка?

– Генерал ее снова в институт повез на обследование. Недавно звонил сюда, сказал, что к обеду обещали выдать результаты.

– А Степаныч с Маргаритой где?

– Поехали обустраиваться на новом месте. Генерал после твоих трудов... это... ключи им выдал от московской квартиры. Там, где раньше Наташа с родителями жила.

– А что с ними произошло?

– Обоих убили прямо на глазах девочки. Прошлым летом. Как раз после этого генерал попал в госпиталь, где его и увидел Владимир Степанович.

– Кто убил?

– Мужик не захотел рассказывать.

В дверь постучали.

– Войдите.

– Кто из вас Семен Зайцев? – Женщина, подававшая нам чай, держала в руках телефонную трубку.

– Он, – ответил Володька.

– С вами хочет переговорить Михаил Федорович.

- Семен? – донеслось из трубки.
- Да, здравствуйте, слушаю вас.
- Ты волшебник! Я тебе по гроб жизни обязан! Обязательно меня дождись. Мы скоро будем.
- Спасибо. – Я отдал телефон.
- Мальчики, поторопитесь на завтрак, – попросила домоправительница.
- Будем через две минуты.

«Дядя Семен, это Наташа. Маргарита Викторовна сказала, что вы должны меня слышать. Огромное вам спасибо!»

На меня нахлынул такой прилив сил, что я сам был готов взлететь, подобно Володке. Пожалуй, сейчас я впервые понял слова отца: «Не отказывай себе в удовольствии делать добро».

Глава 6

Бронежилет

Московская квартира, любезно предоставленная генералом, имела четыре жилые комнаты, большую прихожую, две ванны, две туалетные комнаты и кухню. О последней скажу особо – мечта любой российской хозяйки. По крайней мере, из тех, с кем мне доводилось общаться. Все-таки двадцать квадратов – это не шесть и не девять. Там у нас проходили совещания. Как правило, за обедом или за ужином, когда собиралась вся команда. На завтрак приходили не все: Илья, Славик и Володька вставали поздно, поспевая лишь к так называемому второму завтраку.

Время близилось к обеду, но в квартире было подозрительно тихо. Я решил прогуляться к холодильнику.

– Привет, ты одна? – На кухне пила кофе Рита.

– Нет, с тобой.

– Как заманчиво!

– В каком смысле?

– Во всех. Когда рядом красивая девушка и больше никого – я счастлив.

– Жаль, не могу разделить твои эмоции.

– Почему?

– Не время сейчас веселиться. Ты не забыл? За нами охотятся.

– Пытаюсь, но некоторые несознательные личности... – Я махнул рукой, так и не закончив мысль. – Кстати, наш благодетель знает, что Наташа теперь не совсем обычный человек?

– Девочка сама решит, сообщать деду о своих новых способностях или нет. Ей не хочется лишний раз волновать Михаила Федоровича.

– А если очкарики и за ней начнут охотиться? Думаю, генерал обязан знать.

– Мы предупредили его об опасности еще до того, как он отправился с ней на обследование. Любой контакт с нашей группой грозит неприятностями. Поэтому о внезапном выздоровлении девочки должно знать как можно меньше людей. Наташа тоже в курсе. Она хоть по годам и ребенок, но детского там очень мало осталось.

– Успел заметить. Найти бы тех гадов, которые ей детство перечеркнули!

И во время сеанса, и потом, когда мы общались с исцеленной и ее дедом, радовался, как ребенок, скорее, он. Девочка же внешне вела себя очень сдержанно, хотя с помощью мыслеречи назначила меня своим ангелом-хранителем и сообщила номер сотового.

– Тебе своих проблем мало?

– Хватает.

– Сегодня с Ильей сходите еще к одному человеку. Надо будет на него посмотреть с точки зрения применения твоего дара.

– Он что, больной?

– Говорят, здоровых людей не существует, – раздался сзади бодрый голос Грунева. – Есть только плохо информированные.

Голову даю на отсечение – еще мгновение назад здоровяка там не было.

– Ты чего людей пугаешь?

– Илья, я же просила. Зачем использовать свои способности, когда в этом нет необходимости?

– Инструмент, если им не пользоваться, ржавеет, – отмахнулся электронщик. – Если хочешь знать, я добился грандиозных успехов. Среди ночи толкни меня и скажи «полундра», а потом попробуй найди.

– Надо будет проверить, – усмехнулся я, представляя исчезновение полусонного Грунева. – А не боишься где-нибудь в толпе в одних трусах оказаться?

– Будь спокоен, я место заранее выбираю. Например, из этой квартирki лучше всего сразу на чердак, там есть выход в другой подъезд – проверено.

– Мальчики, вы не слишком увлеклись собой?

– Можем увлечься тобой.

– Полностью согласен с Семеном.

– Эй, полегче на поворотах. Я о деле. Илья, нашел в Интернете что-нибудь? – Маргарита поспешила перевести разговор в более безопасное русло.

– Ничего существенного, – со вздохом ответил электронщик. – Как будто и не было никакого эксперимента. А чего ты ждала? Даже если нас объявили в розыск, вряд ли подключили Министерство внутренних дел. Разве что какой-нибудь секретный отдел ФСБ.

– Мужик, которого нужно посмотреть, как раз оттуда. Вчера с ним виделся Степаныч. Фээсбэшник ничего конкретного не сказал, но обещал прощупать почву в нужном направлении.

– Где встречаемся?

– Илья в курсе.

– Может, Славика с собой взять? – предложил Грунев. – А то человек может думать одно, а говорить совсем другое.

– Не стоит. Кому приятно, когда в твоих мозгах копаются?

– Так мы ему не скажем.

– Илья, не надо самодеятельности. Если человек поймет, что ему не доверяют, нам будет только хуже.

– Ладно, ладно. Не надо так не надо. Я же хотел как лучше.

– Запомните, прийти должен мужчина лет сорока, голубоглазый, с глубокими залысинами на лбу. Волосы русые с проседью на висках. Невысокий, на полголовы ниже Степаныча. Усов и бороды не имеет.

– Истинный ариец, характер нордический... – усмехаясь, продолжил электронщик.

– Илья, хватит ребячиться. Мы не в детском саду.

– А жаль, я бы твоим косичкам точно покоя не дал.

– Я в детстве стриглась под мальчика. И вообще, вам пора идти.

– Без обеда?! – возмутился здоровяк.

– Обед себе закажете в кафе. Деньги есть?

– Имеются.

Я догадывался, откуда могла поступать наличность. Наверняка не обошлось без Грунева и его способностей, но уточнять источники доходов не стал. Проблем у нас было и так выше крыши.

На входе в заведение, где была назначена встреча, Илья вдруг остановился. Через пять секунд я понял почему. Маргарита с помощью мыслеречи и мне передала, что мужик ждет нас в другом месте.

– Осторожничает, – поделился своими предположениями Грунев. – А жаль. Здесь недорого и кормят вкусно.

До другого кафе пришлось идти еще двадцать минут. Потом спустились в подвал.

– Илья, Семен? – Высокий мужчина стоял перед входом в зал. Получив от нас утвердительный ответ, предложил следовать за ним. – Ваш столик.

– А тут неплохо, – осмотрелся я в огороженной с трех сторон кабинке. – Прямо отдельный кабинет.

– Ну да, в случае чего и бежать некуда, – с «оптимизмом» заметил электронщик.

– Тебе ли бояться?

– Дело не в страхе. Не люблю, когда неожиданно меняют прежние договоренности. В заведении, куда мы с тобой так и не зашли, я каждый закуток знаю. Там имеется второй выход, да и обзор на улицу хороший. Всегда можно видеть, кто входит, а кто выходит. А тут?

Слова Ильи зародили в душе тревогу. У меня резко пересохло в горле.

– Маргарита вроде сказала, что он нас здесь будет ждать, или я неправильно понял?

– Вполне возможно, этот тип уже за нами наблюдает. Я же говорю – осторожничай. Вдруг мы «хвост» за собой притащили?

– Илья, а как я его рассматривать буду? Тут же ни одного зеркала нет.

– Точно. – Грунев огляделся по сторонам. – Я ведь специально выбрал для встречи кафе с зеркальными стенами.

– Все-таки придется обзавестись собственным зеркалом. И очки нужны солнцезащитные.

– Думаешь, те типы за своего примут?

– Да мне плевать на них. Просто не хочу из-за кого-то менять свои привычки. Знаешь, у меня дома какая коллекция очков?! На все случаи жизни.

– Что будете заказывать? – В кабинку вошел официант.

– Можно чашку кофе для начала?

– А вам? – Вошедший обратился к Груневу.

– Пиво тут подают?

– Безусловно. У нас десять видов светлого и семь темного.

– Бокальчик светлого на ваш выбор.

Молодой человек покинул кабинет, а тревожное состояние осталось. Мало того, внутреннее напряжение усиливалось. Возникло стойкое ощущение, будто кто-то рассматривает нас через оптический прицел и вот-вот прозвучит выстрел.

– Да расслабься ты! – Илья ударил по плечу, заставив меня подскочить. – Ого! Ну ты даешь. Нельзя так реагировать на дружеское похлопывание.

– Если наша встреча пойдет кривь, – прошептал я, – ты сразу постарайся исчезнуть. Вдвоем попадаться нет смысла.

– Ну вот, а говорят, психические заболевания не заразны. У тебя тоже приступ мании преследования?

– Хуже. Предчувствие неизбежной беды. Не стоило нам приходить в это кафе.

– Ваш заказ. – Вошел официант и поставил на стол напитки. Минуты не прошло, прямо «Бистро» какое-то. – Что-нибудь еще?

– Спасибо, пока не надо, – ответил я.

Едва он вышел из кабинки, как Илья уже поднес бокал ко рту. Еле успел толкнуть здоровяка под локоть.

– ...!!! – громко выругался он. – С ума сошел! Почти все пиво мне на брюки вылил.

– Извини, не нарочно. – Придвинувшись ближе, я еле слышно добавил: – Не советую пить до начала встречи.

– Думаешь?

– Уверен. И вообще, ждем еще пять минут, расплачиваемся и уходим.

– Согласен.

– Молодые люди, здравствуйте! – Почти сразу вошел мужчина средних лет.

Судя по описанию Маргариты, это был тот самый человек. Вот только цвет глаз его я разглядеть не успел, поскольку вошедший быстро сел и взгляда на нас не поднимал.

– Владимир Степанович просил кое-что выяснить. Данные я подготовил... – Мужик полез во внутренний карман пиджака.

Дрожь пробежала по всему телу. Внутренний голос буквально орал «помогите!», но я не мог понять, что происходит. Посмотрел на Илью, пытаясь найти ответ у него. И нашел. Зрачки Грунева заполнили собой радужку.

Никогда не думал, что мозг способен на такие фокусы. В одно мгновение, пока фээсбэшник вытаскивал пистолет, а приятель хватал меня за руку, я успел перебрать в голове несколько путей к спасению.

Шанс убежать одному исключался априори. Только Илья, благодаря своему дару, имел такую возможность, но для этого его глазки должны были вернуться в норму. Ментальным ударом я не владел, следовательно, оставалось болевое воздействие, как в лесу с Александром. Но здоровяк сидел справа от меня и находился в неудобной позиции для рукоприкладства. Помогло ощущение жажды, мучившее с первых минут нашего пребывания в подвальчике. Подняв правую, левой ладонью я смахнул чашку с горячим кофе в его сторону и крикнул:

– Полундра!

– А-а-а!

В следующую секунду раздался негромкий хлопок выстрела, мне обожгло грудь.

«А чтоб тебе... – Я успел бросить в стрелка бокал Грунева, заметить входившего в наш кабинет очкарика. Ильи уже рядом не было. – Сработало! Молодец, Зайцев!»

Сознание провалилось в темноту. Настолько глубоко, что ледяной ужас сковал меня, как жидкий азот несчастную тушку. Станные ощущения, словно тебя окутал черный туман, высывающий жизненные соки. Я чувствовал холод изнутри и снаружи, но, если чувствовал, значит, еще не умер. Ухватившись именно за эту согревающую мысль, начал отодвигать мрак от себя. Внезапное дуновение ветерка оказалось весьма кстати, и вскоре опять показалось звездное небо. Правда, на этот раз кто-то поменял расцветку: на бледно-желтом фоне далекие светила казались темно-синими точками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.